

А. Н. Барулин (Институт языкознания РАН)

A. N. Barulin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

**«Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка и дальнейшие
пути развития его идей. Часть 1**

**Andrey Zaliznyak's *Russian Nominal Inflection* and some ways
of the development for its theoretical ideas. Part I**

Аннотация

В статье обсуждаются значение морфологических работ А. А. Зализняка для русской и общей морфологии, анализируется ценность его исследований с точки зрения истории лингвистики и возможности развития его теоретических идей.

The paper is devoted to the contribution of morphological works by the great Russian linguist A. Zaliznyak to Russian and general morphology and to possible ways of the development of his ideas.

Ключевые слова

Морфология, словоизменение, грамматическое слово, словоформа, акцентное слово, грамматическая категория, граммема, грамматическая морфема, корень, клитика, аффикс, парадигма, лексема, акцентуированная словоформа, корневое грамматическое слово, клитическое грамматическое слово, корнеклитическое слово, композит

Morphology, inflexion, grammatical word, wordform, accent word, grammatical category, grammeme, grammatical morpheme, root, clitic, affix, paradigm, lexeme, accented word-form, root grammatical word, clitic grammatical word, root-and-clitic word, word compound

1. «Русское именное словоизменение» и «Грамматический словарь русского языка» в историко-лингвистическом контексте.

В канун нового 2018 года мы похоронили «светлого гения», «Моцарта лингвистики» (в кавычках — потому что это не мои эпитеты, а присутствуют они в тексте потому,

что они мне кажутся очень точными), Андрея Анатольевича Зализняка. В интернете уже появилось большое число заметок и размышлений о том, за что мы ценили, ценим и будем ценить его как ученого, Учителя и человека. И в этой статье я бы хотел высказать свое мнение, рассказать о своем небольшом опыте общения с ним, о своем опыте прочтения его работ и их оценки с точки зрения историка лингвистики (хотя это и не мой профиль) и специалиста по теоретическим проблемам семиотики, лингвистики и морфологии, в частности. Причем здесь я остановлюсь лишь на двух его выдающихся работах: «Русском именном словоизменении» ([12], далее — РИС) и «Грамматическом словаре русского языка» ([13], далее —ГС), работах, которые были огромным прорывом в русистике, работах, которые, к сожалению, до сих пор игнорируются в большинстве традиционных трудов по морфологии русского языка.

Начну с кратчайшего очерка, который нужен мне для создания исторической перспективы, в которую встраиваются упомянутые выше работы. Это важно, потому что с вершины, которой в упомянутых трудах достиг А. А. Зализняк, хорошо видны истоки лингвистической науки. Кроме того, на мой взгляд, эти работы стали переломным моментом в развитии, по крайней мере, русской теоретической морфологии.

Если взглянуть на развитие морфологической теории с высоты птичьего полета, то современное положение в ней на сегодняшний день определяется тремя параметрами: традицией, кругом языков, на котором отрабатывались положения новых морфологических теорий, и практическими задачами, которые решались на основе той или иной морфологической теории.

Из многочисленных традиционных теорий морфологии, которые в разные времена существовали и/или как-то влияли на развитие европейской науки о языке (шумерской, древнегреческой, древнеримской, арабской, японской, китайской, древнеиндийской), остались только две: восходящая к шумерской, египетской и древнегреческой поздняя древнеримская морфологическая традиция и традиция, восходящая к трудам индийского мыслителя приблизительно V в. до н. э. Панини [37].

Исторически морфология, наряду с лексикографией, была первой дисциплиной, которую начали разрабатывать древние «протолингвисты». И морфология, и лексикография появились в качестве фрагментов пособий для писцов в Шумере четыре с половиной тысячи лет назад. Фрагменты эти представляли собой просто списки словоформ (форм слова), относящихся к одному и тому же слову, или, как их называют лингвисты, словоизменяемые парадигмы. Такая форма описания соответствовала, во-первых, шумерской методике обучения: ученики шумерских частных школ зубрили все наизусть без какой бы то ни было попытки объяснить зазубриваемое [9, 17], во-вторых, — способу отображения мира в знаниях: шумеры представляли себе мир как номенклатуру объектов. А объектами были только те предметы и явления, которые обладали названием. Названия при этом считались интегральной частью объектов. Так же обстояло дело и в древнем Египте. Имя (*рен*) по древнеегипетским представлениям входило в состав девяти составных частей человека: *кхат* — тело, *ка* — «двойник», *ба* — душа сердца, *аб* — сердце (источник животной жизни), *кхаибит* — тень, *кху* — душа духа (бессмертная), *секхем* — сила, *рен* — имя, *саху* — духовное тело [1]. В древнем Египте также существовали школы, в которых обучали писцов. До нас дошли и некоторые языковые упражнения, которые выполняли ученики этих школ. По свидетельству акад. Коростовцева среди грамматических упражнений чаще всего повторялись парадигмы спряжения. И даже порядок следования форм в парадигмах был почти таким же, как в поздних европейских пособиях по изучению языков [22]. Описание языка в виде списков форм склонения и спряжения из древних Шумера и Египта перекочевали затем и в древнегреческие грамматические сочинения. Наиболее ранним лингвистическим занятием древних греков было этимологизирование: «В основе такого этимологизирования лежало представление о внутренней, естественной связи между словом и обозначаемым предметом — представление, восходящее в своих истоках к архаическому, мифологическому мышлению, для которого «имя нераздельно связано с вещью, является носителем его свойств, магическим заместителем» [32, 24] (Цит. по [29, 110]). Древние греки значительно продвинулись в детализации, организации и трактовке списков языковых форм. Стандартные формы у

них приобретают состав парадигм склонения и спряжения, порядок следования форм в парадигмах. Они разработали учение о частях речи, о строении и типах предложений и т. д. Но главной идеей их способа описания языка была классификация. Таксономия должна была служить главным результатом работы грамматиста. Исследовался, таким образом, преимущественно один аспект устройства языка — парадигматика, т. е. отношения между элементами списков.

По учебникам грамматистов древнего Рима Доната и Присциана учили латинскому языку, а заодно и усваивали лингвистические традиции Древней Греции и древнего Рима вплоть до XVI—XVII в. все европейские лингвистические школы. Опыт описания латинского и греческого языков был перенесен впоследствии и на описание других языков. «Влияние Присциана на разработку грамматических вопросов было значительным еще в XVIII в.» [34, 256]. Но если и сейчас мы откроем большую часть грамматик конкретных языков, то главным их содержанием будут парадигмы склонения и спряжения и их классификация.

В некотором отношении совершенно противоположная традиция описания языка родилась в древней Индии, где до некоторого времени также процветали списки, этимология и описание парадигматики как главная цель описания языка. Однако приблизительно в V в. до н. э. Дакшипутра Панини из Салатура, преследуя цель остановить изменение языка, на котором писались священные тексты (как и все его современники, он считал, что изменение языка — его порча), основал новую традицию описания языка, опирающуюся на другую важную идею. По его мысли классификация единиц и упорядоченное рассмотрение парадигматических отношений между ними не конечная, а промежуточная стадия обработки языкового материала. Главной ее целью является создание системы ориентированных друг на друга правил выбора обозначения для данного смысла и построения из элементарных языковых единиц сложных. «Труд Панини построен таким образом, чтобы, отправляясь от смысла, выбрав соответствующие лексические морфемы (корень глагола или первичную основу имени) и диктуемую характером глагола или коммуникативной задачей конструкцию, проделав все предписываемые операции, полу-

чить на «выходе» фонетически правильное предложение» [21, 75]. В настоящее время такого рода описания языка называются его интегральными моделями. Интегральные модели появились в Европе в связи с проблемами построения систем автоматического перевода в середине 50-х гг. XX в. Причем все это новое направление сформировалось без всякого влияния работ Панини. Европейские лингвисты заново открывали для себя многие приемы и элементы лингвистической теории, разработанные за две с половиной тысячи лет до них выдающимся индийским философом и лингвистом.

Заимствовав у шумеров и египтян принципы описания морфологии, древнегреческие протолингвисты совершенно проигнорировали сам языковой материал, на базе которого была создана первая концепция описания языка и который по своему строю довольно сильно отличался как от греческого, так и от латинского языков. В шумерском языке по-другому, чем в греческом и латыни, выражаются элементы грамматических категорий, и тип слова, который следует там описывать как грамматически существенную единицу, другой, чем в этих индоевропейских языках. Древнеегипетский язык относится к семье афразийских, из чего уже следует, что в нем по-другому устроен корень, в нем есть так называемые трансфиксы, из чего следует, что правила построения основы словоформы, правила объединения морфов в морфему и словоформ в лексему там будут совершенно другими, чем в латыни и греческом. Все это греки, которые считали окружающие их народы варварами, а их языки — недоязыками, естественным образом проигнорировали. Так же вслед за ними поступили и древние римляне. Из всего этого следует, что лингвистическая теория, которая получилась у греков и римлян, была крайне однобокой и во многом *ad hoc*. Поэтому, когда стали появляться описания языков, не похожих на индоевропейские, вся эта теория стала трещать по швам, хотя лингвисты, не склонные замечать, что у лингвистики вообще есть какая-то теория, продолжали пользоваться существующей, игнорируя факты, в нее не укладывающиеся, или вынося эти последние в исключения.

Кроме идеи парадигматического описания, у греков был еще один принцип, игравший в их теории существенную роль. Я имею в виду принцип выделения исходной

формы (например, формы именительного падежа) и описания всех прочих форм как трансформацию (изменение) исходной. Этот принцип не предполагал выделение в словоформе меньших, чем она сама, частей, имеющих собственное значение. Только в середине XIX в. А. Шлейхер ввел заимствованный им из биологии специальный лингвистический термин, обозначающий науку о строении слова — морфология. Однако научный и методологический инструментарий у этой науки появился только после того, как И. А. Бодуэн де Куртенэ ввел для обозначения элементарной языковой единицы, обладающей собственным значением, термин «морфема», а для элементарной сегментной единицы, способной различать значения языковых выражений, — термин «фонема» (см. [5, 272]).

Введение в научный обиход новой элементарной языковой единицы, морфемы, заставило лингвистов-синхронистов XX в. по-новому осмыслить материал языков, мало похожих на латынь и древнегреческий, особенно это касалось осмысления языков с бедной морфологией, в которых довольно часто или всегда слово совпадало с морфемой. Греческая установка на наличие исходных, базовых единиц лингвистики и единиц второстепенных в некотором смысле производных от базовых, вне всякого сомнения, ставило в центр исследований слово. По традиционной греческой и древнеримской теории, как правило, не рассматривавшей единиц, более сложных, чем предложение, слова оказывались главными единицами, из которых, с одной стороны, строились предельные единицы анализа, предложения, а с другой стороны, слово могло быть расчленено на более мелкие значимые единицы, морфемы. Языкам типа древнекитайского или вьетнамского, однако, понятие (грамматического) слова вообще не требовалось, поскольку в них практически отсутствовали как аффиксы, так и клитики. Корень в таком случае всегда выступает в качестве самостоятельной единицы, из которой напрямую строятся предложения. Получалось, что слово — не универсальная единица языка, а морфема — универсальная. А из этого напрямую следовало, что базовой единицей лингвистического анализа должна стать морфема. Среди последователей греческой концепции возникло два лагеря: словоцентристы и морфоцентристы. Это разделение среди морфологов сохраняется и до ны-

нешнего дня. Словоцентристы держатся сформировавшейся за тысячелетия концепции парадигматической морфологии, морфоцентристы придерживаются точки зрения, по которой морфема — центральное, исходное понятие морфологии, а словоформа, если она представляет собой морфемную структуру, строится по определенным правилам из морфем. В каждом из этих направлений имеются некоторые ответвления. Так, в первом из них присутствуют исследователи, признающие членение словоформы на морфемы, и исследователи, которые вообще обходятся без выделения единиц, более мелких, чем слово. Во втором направлении имеются исследователи, которые считают, что словоформа в синтаксическом анализе лишняя единица, и устанавливают синтаксические отношения между морфемами, и исследователи, которые считают, что основной единицей синтаксического анализа являются слова, а структура словоформ строится из морфем.

Теперь мы подходим к историческому моменту появления РИСа в 1967 г.

Посмотрим опять на это гениальное творение с высоты птичьего полета. Какая из двух традиций положена в основу теории, на базе которой строится РИС? Ответ — обе. РИС — это синтез двух великих традиций. С одной стороны, объектом рассмотрения здесь, как у древних римлян, являются парадигмы склонения, с другой стороны, классификация, как и у Панини, не считается конечным результатом исследования: «Таким образом, классификация является необходимой предварительной ступенью для синтеза» [15, 5]. Хотя и по поводу таксономии А. А. Зализняк высказал новую и совершенно справедливую мысль о том, что классификация всегда делается под конкретную задачу, и с этой точки зрения классификации лексем и словоформ для целей морфологического, синтаксического и семантического синтеза должны быть разными. Так, с морфологической точки зрения, словоформа *рабочий* в предложении *В контору вошел молодой рабочий* является прилагательным, поскольку склоняется, как прилагательное; с точки зрения синтаксиса, это — существительное, поскольку способно вступать в синтаксическую связь с прилагательными, глаголами и предлогами, и существительное же с семантической точки зрения, поскольку его семантико-синтаксическая организация устроена так же, как и у прочих (предметных) существительных (см. по этому поводу [3]).

Конечным результатом лингвистического описания морфологии по А. А. Зализняку, грубо говоря, считаются алгоритмические правила определения по исходной форме всех грамматических форм данной лексемы. Кроме того, РИС и «Восьмикнижие» Панини сходны во всеохватности материала одного языка. Причем во всей четырехтысячелетней истории лингвистики только А. А. Зализняк и Панини в одиночку смогли охватить материал, достаточный для построения полного описания важнейшей части языковой структуры. Следует признать, правда, что Панини находился в более сложной ситуации: время его жизни пришлось на дописьменный период (в Индии). Знания передавались из уст в уста, и такие большие и необыкновенно сложные тексты, как «Восьмикнижие» (Aṣṭādhyāyī), и строились так, чтобы их было легче запомнить и воспроизвести. Кроме того, в своем труде Панини охватил не только словоизменение, но и словообразование и синтаксис. Тем не менее, ни один из более поздних лингвистических трудов, написанных одним автором и созданных «вручную», не представляет собой такой полной интегральной модели, как РИС и ГС А. А. Зализняка.

Мог ли Андрей Анатольевич в полной мере перейти на идеологию Панини? Думаю, что не мог по нескольким основным причинам. Если говорить о письменной и устной форме языка, то он сам отметил причину выбора письменной формы: «Все прочие виды записи — в частности, фонетическая, фонологическая, морфонологическая транскрипции — существуют не столько в реализованном виде (т. е. в виде записанных соответствующим образом русских текстов), сколько в виде правил, позволяющих производить такие тексты. Нет и словарей, построенных на какой-либо из этих транскрипций [15, 9—10]. Из прочих причин можно выделить две главных. Прежде всего, автору РИСа, как мне кажется, мешало сделать этот переход полученное им филологическое образование. Он, вне всякого сомнения, был сыном европейской культуры, последователем европейской системы образования, которые выросли из культуры и системы образования древних греков и римлян. Парадигматический способ описания морфологии он впитал с первыми элементами приобретенных знаний о языке. И в этом смысле он был консервативен. Однажды, когда мы с А. Ю. Айхенвальд делали на семинаре Вяч. Вс. Иванова до-

клад о системе синтеза именной словоформы иврита, в которой мы ориентировались на морфемный анализ словоформ и правила синтеза из морфем целостной словоформы, Андрей Анатольевич уже в личной беседе после доклада сказал: «Не люблю лезть внутрь словоформы!».

Второй важной причиной, по которой А. А. Зализняк, видимо, не мог перейти на концептуальную позицию Панини, являлась недостаточная разработанность собственно теории морфем. Неясность трактовки структуры морфов, правил их объединения в морфему, трактовки пустых и нулевых морфов, мегаморфов, идиоматических сочетаний морфов, несомненно, существовала и во времена Панини, индийский мыслитель не объяснял причин, по которым он принимал те или иные морфологические решения, однако, в то время, когда писался РИС, теория морфемы во многом благодаря работам дескриптивистов ушла далеко вперед, но не до такой степени, чтобы уровень ясности теории, который А. А. Зализняк считал необходимым, позволил ему перейти на новую морфологическую идеологию.

Но на этом весь его консерватизм, который правильнее было бы назвать данью традиции, и заканчивался. В РИСе он использовал весь потенциал того нового, что он получил во время стажировки в Сорбонне у структуралиста Андре Мартине, в последние годы обучения на филологическом факультете МГУ, на семинаре В. А. Успенского, Вяч. Вс. Иванова и П. С. Кузнецова, где он прослушал курс математики. Несомненно, повлиял на него и великий труд Панини, с которым он был знаком. Эти новшества, которые он принял, признал, сделал частью своей системы знаний, позволили ему создать свою концепцию описания словоизменения. В этой концепции произошел чудесный синтез тех разнородных компонентов знания, которые ранее не соприкасались друг с другом и обрели однородную логически непротиворечивую форму, которая совместила в себе словарную составляющую, содержащую исчерпывающую словоизменительную информацию о порядке 55 000 лексем (существительных, прилагательных и числительных), число которых выходит далеко за пределы того минимума, на базе которого обычно строились грамматики русского языка, теоретическую составляющую, в которой был до мельчай-

ших деталей разработан метаязык описания такого уровня генерализации и точности, которого не было ни в одной самой передовой лингвистической теории мира, таксономическую составляющую, впервые достигшую разбиения лексем на непересекающиеся классы, для каждого из которых был выбран эталон, обладающий всеми теми словоизменительными свойствами своего класса, которые отличают его от лексем всех других классов, и, наконец, алгоритмическую составляющую, которая позволяла автоматически определить, к какому именно классу разбиения относится данная лексема и как по ее исходной форме построить все прочие формы ее словоизменительной парадигмы. Метаязык, разработанный А. А. Зализняком, поднял уровень описания языковых данных, уровень теории морфологии, уровень аргументации принимаемых решений, уровень интеграции элементов лингвистической теории на совершенно новую ступень развития. Именно эта новая ступень развития морфологической теории позволила адаптировать лингвистические данные к их компьютерной обработке, использовать их в компьютерных программах обработки текста.

В чем же состоят новшества, привнесенные в русскую и общую теорию словоизменения? Из математики в лингвистику А. А. Зализняк перенес стремление к, если и не математически строгим, то, несомненно, на несколько порядков более строгим определениям терминов, чем в те времена были у филологов. Филологи в массе своей не определяли понятия, а приклеивали (да и сейчас приклеивают) к ним подходящий с их точки зрения ярлык, по поводу правильности, содержательного наполнения и правил использования которого невозможно сказать ничего определенного. Неопределенность семантики термина неизбежно вызывает ожесточенные, но совершенно пустые споры по поводу его истолкования: не эксплицированное семантическое наполнение термина у каждого специалиста свое, поэтому консенсуса в таких спорах достигнуть принципиально невозможно. Кроме всего прочего, каждый термин при таком подходе обладает очень неустойчивой связью с другими терминами, поэтому, строго говоря, единой терминологической системы с однозначным распределением ролей каждого термина в теории словоизменения не существовало. А. А. Зализняк определил в РИСе каждый термин, которым он

пользовался, ввел вспомогательные, неопределяемые термины, на которые опирались сложные определения. И изумленному читателю вдруг стало ясно, для чего нужен каждый термин в системе, как каждый из них соотносится с каждым другим. Введение понятий «однородности элементов значения», «обязательность их присутствия в каждой словоформе данного класса» и «регулярности их для данного класса словоформ» позволяет определить понятия «граммемы» и «грамматической категории». Понятие грамматической категории позволяет определить понятие лексемы и (словоизменительной) парадигмы данной лексемы, ввести понятия полной и дефектной парадигмы, парадигматической схемы. Понятие парадигматической схемы позволяет ввести понятие грамматического разряда, заменившее в РИСе понятие части речи. Благодаря четкому определению терминов, утверждения о тех или иных фактах приобретали свойства фальсифицируемости, обретение которого по Карлу Попперу превращало лингвистику в науку в строгом смысле этого слова и позволяло оценить степень генерализации всех терминов и операций над ними, проверить их свойства фактами.

Благодаря логичной прозрачности и стройности грандиозного архитектурного сооружения, построенного А. А. Зализняком, оказалось возможным понять не только то, как толкуются введенные в текст термины, но и то, как трактуются термины, которые остаются в презумпции, не вводятся в явном виде, но вычисляются по введенным терминам. Так, в РИСе есть понятие «элементов значения». Элементы значения делятся на синтаксические и номинативные. Скажем, элемент значения лексемы ДОМИК 'предмет определенного вида' относится к номинативным элементам, а элемент значения 'допускает сочетания *белым домиком, люблюсь домиком, перед домиком* и не допускает *хорошо домиком*' относится к синтаксическим. При этом под синтаксическими элементами значения А. А. Зализняк имел в виду то же, что, например, И. А. Мельчук — под элементами синтактики. Спрашивается, почему они трактуются по-разному? Ответ простой. А. А. Зализняк ориентировался на представления о структуре знака Ф. де Соссюра¹, а И. А.

¹ Подтверждением этого утверждения является следующая цитата из РИСа, ориентированная на формулировку Л. Ельмслева (ср. его термины «выражение» и «содержание» [10, 306]), который

Мельчук — на представления Ч. У. Морриса. По Соссюру знак состоит из двух сторон: означающего и означаемого. То, что не имеет отношения к означающему, просто не может относиться ни к чему другому, кроме значения. Между тем, уже по предикатам, которые у А. А. Зализняка соединяют означающее и означаемое, можно понять, что собственно номинативное значение — кардинально отличный от синтактики тип информации: номинативные значения **обозначаются**, а синтаксические — **допускают сочетания X-а с Y-ом**. Номинативные значения — модели обозначаемого объекта, а синтаксические — правила сочетаемости знака с другими знаками. По Моррису в знаке имеется четыре компонента: означающее, означаемое, синтактика и прагматика. Синтаксические элементы значения у него попадают в отдельный компонент знака — синтактику. Ф. де Соссюр был в тогдашнем лингвистическом сообществе несомненно более авторитетным автором, кроме того, он был лингвистом, Моррис же был философом, причем не самым выдающимся. Но Моррис, на мой взгляд, в этом вопросе был, несомненно, ближе к истине, чем Соссюр. Синтактика ведь есть не только у знаков, но и у их частей, и даже у элементов, из которых строятся как означающие, так и означаемые, например, синтактика есть у фонем. Скажем, к синтактике относятся правила сочетаемости фонем. В дальнейшем я буду придерживаться моррисовской, а не соссюровской трактовки знака.

Строгость определений, логичность построения всей сложнейшей конструкции РИСа дали А. А. Зализняку возможность уточнить, а еще чаще пересмотреть многие традиционные взгляды на русское словоизменение, и мнение о том, что он переоткрыл нам грамматику русского языка, я считаю ничуть не преувеличенным. Мы с удивлением узнали, что падежей в русском языке никаких не шесть, а четырнадцать; строгое определение понятия «грамматический разряд» поставило, наконец, точку в вопросе о том, является ли отдельной частью речи местоимение; было убедительно показано, что причастие — это не глагольный грамматический подкласс, это обычное прилагательное; было

также придерживался соссюровского представления о структуре знака: «Всякий языковой текст есть двусторонний объект: он имеет внешнюю сторону («выражение») и внутреннюю сторону («содержание»)» ([15, 19]).

показано, что степени сравнения прилагательного не представляют собой особой его грамматической категории, что традиционное деление существительных на три склонения противоречиво, классы склонения следует классифицировать на других основаниях и т. д. и т. п.

2. О возможных путях развития морфологических идей А. А. Зализняка.

2. 0. Не буду здесь повторять перечисления выдающихся результатов, которые были получены в РИСе, о них написано достаточно много (своеобразные итоги множества отзывов о РИСе были подведены в «ретроспективной рецензии» С. А. Крылова [23]. Мне здесь важно другое. В одном частном разговоре один из наших молодых, подающих большие надежды коллег в ответ на сравнение труда А. А. Зализняка с «Восьмикнижием» Панини заметил: «В отличие от «Восьмикнижия» РИС не требует комментария». Зная работы молодого человека, его отношение к высоким авторитетам, я почувствовал за этой фразой позицию, с которой в корне не согласен. Высокую ступень, на которой оказывается русская и общая морфология благодаря работам Андрея Анатольевича, можно, конечно, рассматривать как предел познания механизма словоизменения, считать, что научная истина, о которой автор РИСа говорил при вручении ему Солженицынской премии, познана, и теперь этот великий труд можно рассматривать, как уже ограненный алмаз, как Эверест, на который можно время от времени любоваться издали, делая в своей жизни все так, как будто РИСа не существовало. Можно также с высоты своих высоких теоретических достижений говорить, что РИС сделан на базе структуралистских теорий, а мы тут-де идем своей прогрессивной дорогой, а можно проанализировать исходные положения теории, на которой построен РИС, проверить их на предмет возможной экстраполяции, и идти дальше так, как это делал он, пусть не в одиночку, такое, действительно, подвластно единицам раз в два с половиной тысячелетия, но идти, стараясь не уменьшить ни уровня строгости в определении терминов, ни логической строгости рассуждений, ни в аргументации принятых положений. Ниже я хотел бы прокомментировать отдельные положения РИСа и некоторых других работ А. А. Зализняка, наметить некоторые направ-

ления возможного развития идей, высказанных в РИСе, не претендуя на то, что я как-то сам сделаю, или, по крайней мере, начну делать нечто во всех указанных направлениях.

2. 1. О возможности создания ГС, ориентированного на устный язык.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание: РИС и ГС описывают письменный язык. Поскольку письменный язык является творением орфографических и синтаксических комиссий, не преследующих цели построения адекватной теории даже одного только русского языка, а, следовательно, является продуктом искусственным, а также поскольку лишь небольшой процент языков земли обладает письменностью, для лингвистической теории важнее было бы описание устного языка, пусть в рамках грамматического словаря, в котором слова будут записаны в фонологической транскрипции (разумеется, не в той, которая основана на кириллическом алфавите с ерями и ерами, которой учат студентов на русском отделении и в школе: любой достаточно большой отрывок текста показывает, что эта транскрипция вопиюще не точна). Перевод грамматического словаря в транскрипционный вид был бы полезен и айтишникам, которые занимаются звуковым синтезом и анализом русской речи. Это задача, рассчитанная на большой промежуток времени, поскольку даже разработка хорошей транскрипции с учетом сплошного анализа больших массивов текстов вызывает серьезные трудности. Думается, что и создание машинного переводчика с письменного языка на транскрипционную нотацию — задача не из легких.

2. 2. О дополнении ГС синтаксической информацией.

В полном грамматическом словаре, как указывает в [13] А. А. Зализняк, наряду со сведениями о формах грамматических слов, должны быть указаны их синтаксические свойства, модели управления, их способность вступать в те или иные синтаксические отношения и занимать определенное место в синтаксических конструкциях.

2. 3. О необходимости перехода от парадигматической морфологии к синтагматической.

Уже в работе об акцентуации [14] А. А. Зализняк приходит к выводу о том, что описание языка через закрытые словарные списки, через парадигмы склонения и спряже-

ния дает неполную и неадекватную картину языкового механизма: «Понятно, однако, что списочные решения, с одной стороны, чрезвычайно громоздки, с другой стороны, не обладают достаточной «объяснительной силой», в частности, не позволяют предсказывать акцентные свойства слов, не вошедших в список. Отсюда необходимость в построении менее прямолинейного и, быть может, логически менее простого, зато более компактного и более обобщенного описания акцентуации» [14, 9]. Понятно, что, давая готовые списки акцентных парадигм, мы не можем претендовать на открытие правил постановки ударения, выводимых из свойств морфем, а, следовательно, не можем перейти от закрытых списков (не представляющих весь языковой материал) к спискам открытым, неограниченным. Замечу, что, кроме акцентных свойств фонетических слов, есть и множество других свойств лексемы, словоформы, фонетического слова, которые выводятся из характеристик морфем, которые мы не имеем возможности ни выявить, ни описать при парадигматическом подходе к описанию морфологии. Такими свойствами, например, являются частеречные характеристики основы, которые определяются вершинной, с морфолого-синтаксической точки зрения, морфемой, набор флексий, определяемых ею же, модель управления лексемы, которая по определенным правилам выводится из моделей управления морфем, составляющих основу словоформы, значение лексемы, выводимое по определенным правилам из значений морфем и т. д. Конечно, и у словоформ, и у фонетических слов есть так называемые эмерджентные или, по Лоренцу, фульгурационные свойства, т. е. свойства, не выводимые из свойств составляющих их морфов. Это не просто лингвистический закон, это, как показал Конрад Лоренц, общий закон сложных системных образований: у всякой достаточно сложной конструкции появляются свойства, не выводимые из свойств частей этой конструкции. Не все свойства человека выводимы из свойств составляющих его клеток. Но определить, какие из них являются эмерджентными, какие выводимыми, мы никогда не сможем, если будем обсуждать свойства целых единиц, не обращая внимания на то, из чего они построены. Например, свойство, по которому в каждом грамматическом слове существительного, прилагательного, числительного, глагола должен присутствовать грамматический суффикс (флексия), — эмерджент-

ное свойство словоформ данных классов, не выводимое из свойств их частей. Скажем, потеря одним из двух акцентных слов самостоятельного ударения в рамках так называемых сращений (пятьдесят, сумасшедший) — эмерджентное свойство целого, поскольку одноударное словосочетание — результат действия операции, проведенной над целым, нормальным, двуударным. Устранение самостоятельного ударения является специальным техническим средством построения акцентных композитов. Оно не может быть выведено ни из свойств составляющих эти единицы морфем, ни из свойств, составляющих целое, акцентных слов. Но это мы можем показать только, если мы знаем, какие свойства интегрантов морфологического яруса выводимы.

Еще одним доводом в пользу отказа от парадигматической морфологии является сама логика построения интегральных моделей. Они должны быть однородны с точки зрения исследования и моделирования языковых механизмов. Если результатом действия модели одного яруса является построение парадигматических объектов (парадигм, словообразовательных гнезд), а результатом действия модели другого яруса должны быть сложные синтагматические единицы (словосочетания, предложения), они не смогут стыковаться друг с другом. Другое дело, если мы ставим на морфологическом уровне задачу синтеза (порождения) словоформ из морфем, а на лексико-синтаксическом уровне — задачу синтеза словосочетаний и предложений из словоформ, мы решаем однотипные задачи, мы можем исследовать, как взаимодействуют структуры разных ярусов, чем они отличаются друг от друга, какие общие механизмы задействованы на разных ярусах и т. д.

Из всего этого следует, что греко-римская парадигматическая морфология обречена, что она должна смениться морфологией, базирующейся на исследовании свойств морфем и изучении морфолого-синтаксических конструкций. За ней будущее, и чем раньше мы откажемся от исключительно парадигматического способа описания словоизменения, тем будет лучше для достижения той истины, о которой говорил Андрей Анатольевич.

2. 4. О правилах определения границ простого грамматического и простого акцентного слова.

2. 4. 0. Об определении границ словоформы в РИСе.

Если говорить о РИСе, то базовой единицей, которой посвящено исследование А. А. Зализняка, является «акцентуированная словоформа». Поговорим вначале о втором члене этого словосочетания. Понятие словоформы в РИСе определяется через понятие сегмента как означающего словоформы, а сегмент — через цепочку букв от пробела до пробела: [15, 19]. Подобное решение, конечно же, было вынужденным: определение понятия словоформы, равно как и определение границ словоформы, — очень сложная лингвистическая задача, к решению которой у русистов в те времена, как, в общем, и в нынешние, не было даже подступов. И, как мне кажется, в рамках парадигматической морфологии таких подступов не может быть найдено в принципе. В рамках же того подхода, при котором словоформа синтезируется из предварительно выделенных морфем, задача, на мой взгляд, становится решаемой, по крайней мере, частично.

2. 4. 1. О конструктивных классах морфем.

Попробуем найти такой способ, опираясь на конструктивную классификацию морфем и классификацию фонетических и грамматических слов. Если он будет работать хотя бы на материале простых словоформ (не композитов), мы сможем проверить, насколько хорошо работает принцип определения границ словоформы от пробела до пробела. В дальнейших рассуждениях я буду исходить из предположения, что для любой цепочки фонем правильно построенного текста я могу определить, сколько и какие означающие морфем в ней содержатся, как определить их означаемые и как объединить морфемы в морфему. Кроме того, мне потребуется еще одно допущение. Далее я буду считать, что я могу правильно отнести каждую морфему к одному из трех конструктивных классов: корневым, клитическим и аффиксальным морфем.

Для дальнейших рассуждений мне понадобятся свойства элементов каждого из трех выделенных классов. Диагностическим контекстом для выделения корневых морфем является его позиция в простом акцентном слове. Под простым, несвязанным ак-

центным словом будет пониматься цепочка морфов, которая удовлетворяет следующим требованиям: 1) она содержит только одно ударение; 2) в ней соблюдаются правила редукации гласных; 3) она может оказаться в положении, когда в заданном окружении перед ней и после нее стоит пауза; 4) внутри этой цепочки пауза поставлена быть не может; 5) в ней содержится только одна корневая морфема. Примерами простого несвязанного акцентного слова являются, например, *никто, в лесу, вверх, под маской, вперемишку, кто-то, я бы, из-под полы, по-над забором, целовался, четырёх*. А, например, *так что?* [tək#ʂtó] (в первом предупредном слоге должно быть [â], а не [э]), *иссера* (-черный), *авиа* (конструктор), *контр* (наступление) (после первого компонента композита нельзя поставить паузу, такие акцентные слова я далее буду называть связанными), *четырёхдюймовый, джю-джитсу* (в последних двух примерах два ударения), *пятьдесят, паровоз, бронепоезд* (в последних акцентных словах содержится более одного корня) таковыми не являются.

Если акцентное слово состоит из одной морфемы, то эта морфема корневая. Это можно считать базовым морфологическим законом. Этот базовый закон можно использовать для выделения ядерного класса корневых морфем. Морфемы, которые могут образовывать отдельное акцентное слово, или акцентное слово, в котором кроме одного морфа все остальные представлены нулевыми морфемами, отнесем к базовому классу корневых морфем $\{R_b\}$. К $\{R_b\}$ относятся, например, такие морфемы, как ДОМ, ВОРОН, СКУП, БЕГ, ПЯТ (ПЯТЫЙ, САМ-ПЯТ), КРУГ, ДВОР, РЫБ, АХ, ОЙ и множество других корневых морфем русского языка. К этому же классу морфем отнесем и те, которые могут встречаться как перед паузой, так и после паузы. Такому условию может удовлетворять только корень, поскольку только он может быть порядковым центром акцентного слова. Например, глагольный корень ГУЛ не встречается в позиции между двумя смежными паузами. Но встречается отдельно в позиции после паузы (*гул+’а* ⊕ *ть*, *гул+ён* ⊕ *а*) и непосредственно перед паузой (*про+гул* ⊕ *∅_{nom.sg}*, *за+гул* ⊕ *∅_{nom.sg}*). За пределами базового класса корневых морфем останутся так называемые связанные корни, такие, как {БАВ} (*разбавить, прибавить, добавить*), {НЗ} (*пронзить, вонзить*), {У} (*обуть, разуть*), {БЕРГ}

(*ввергнуть, отвергнуть, извергнуть*), {АЛАБЕР} (*безалаберность, безалаберный, безалаберщина*), {АРМ} (*армия, армеец*) и др., а также корни, которые присоединяют к себе только ненулевые флексии, как, например, {АЛК} (*алкать, алчу*).

Теперь среди простых, несвязанных акцентных слов выберем такие, в которых содержится только один корень, цепочка морфов с пустым значением, которая может не содержать ни одного морфа (нулевая цепочка), состоять из одного морфа, или более, чем из одного морфа, и морфем, обозначающих граммеы числа и падежа (у существительных), рода, числа и падежа (у прилагательных), падежа (у числительных), времени, лица и числа или рода и числа (у глаголов). Морфемы с пустым значением назовем тематическими. Все прочие некорневые морфемы в этом множестве акцентных слов назовем грамматическими суффиксами или флексиями.

Во всем множестве акцентных слов морфемы, располагающиеся между флексиями или кластерами, состоящими из пустого морфа и одной или нескольких флексий, с одной стороны, и корневыми морфемами — с другой, назовем деривативными (словообразовательными) суффиксами.

Выделим теперь в классе простых акцентных слов такие, которые содержат в себе одну морфему, которую можно отделить от остальной части акцентного слова другим акцентным словом так, чтобы оставшаяся часть акцентного слова была тоже правильным акцентным словом, и акцентное слово, к которому присоединился отделенный морф, стал также правильным акцентным словом, и лексико-синтаксические связи отделенной морфемы с доминантными и подчиненными лексико-синтаксическими единицами остались прежними. Морфемы, которые можно отделить таким способом, отнесем к базовому классу клитик². В этот класс попадают все «отделяемые» первообразные предлоги и клитические союзы, а также «отделяемые» энклитики. Примеры базовых клитик: *в#голове* —

² Специально отмечу, что, в отличие от меня, большинство исследователей (см., например, [30, 28; 36]) клиткой называет не морфему и не класс морфем, а то, что я дальше буду называть клитическим грамматическим словом. Расходится излагаемая здесь концепция и с представлениями лингвистов, относящих клитики к своего рода таксономическим «чебурашкам» и называющих их то элементами, то категориями (см., например, [33]).

в#большую##голову, на#бычка — на#белого##бычка, и#кошка — и#черная##кошка, а#вбежал — а#быстро##вбежал, да#пришел##он — да#давно##пришел##он, я#бы##пришел — я##пришел#бы, он#де##замыслил — он##замыслил#де (побег), Петра#то##Кузьмича — Петра##Кузьмича#то. Не вошли в базовый класс клитик неотделимые предлоги, частицы, которые в сочетании с корневыми грамматическими словами все русские грамматики относят к префиксам, постфиксам, а образования в которые они входят — к простым акцентным (и, разумеется, грамматическим) словам — глаголам, прилагательным, существительным, местоимениям, наречиям, предлогам, союзам, частицам (*никто, ввиду, вверх, по-хорошему, подбру, поздорову* и пр.).

Исследуем теперь синтактику элементов базовых классов и сравним ее с синтактикой морфов, не попавших ни в один из базовых классов. Прежде всего, можно заметить, что клитики и аффиксы распределены по способности стоять перед корнем или корневым грамматическим словом или после него. Первый тип аффиксов традиционно называется префиксами, а клитик — проклитиками (в русистике для названия первого типа морфем используется термин «приставка», но он выбивается из системы терминов своей нестандартностью, поэтому я им пользоваться не буду; И. А. Мельчук использует для названия последнего типа морфем термин «преклитики» [27, 212], здесь я предпочитаю традиционный термин). Второй тип аффиксов традиционно называется суффиксами, а второй тип клитик — энклитиками (И. А. Мельчук использует для них термин «постклитики» [27, 212], я буду придерживаться в этом случае традиционной терминологии). Кроме проклитик и энклитик обнаружится небольшое число клитик, которые не распределены по позициям относительно корня, те, которые могут стоять по отношению к корневному грамматическому слову как в препозиции, так и в постпозиции: *ведь (ведь женщина — ведь молодая женщина; женщина ведь; /tək#ʂtó/ — /nú#tək/; /vət#já/ — /já# vət/)*. Такие клитики С. В. Кодзасов называл безударными корнями. Мне этот термин кажется достаточно двусмысленным. В дальнейшем я буду называть клитики этого типа обоюдосторонними, сокращенно о-клитиками.

Входя в простое, несвязанное акцентное слово, клитики необязательно связаны синтаксически и семантически с остальной его частью. Скажем, в акцентном слове *в#большом (доме)* В синтаксически связано с лексемой ДОМ, а к лексеме БОЛЬШОЙ с синтаксической точки зрения не имеет никакого отношения. В акцентном слове *я#бы (не пришел)* БЫ синтаксически связано с глаголом, а не с Я. Бывает, конечно, и так, что клитика синтаксически связана с корневой словоформой (*в#доме, пришел#бы*). Но это не является обязательным условием построения акцентного слова. Не обязательно должны быть синтаксически связаны в акцентном слове клитики, если их несколько. Ср., например, *не#в#свои##сани (не садись)*, где НЕ и В синтаксически не связаны.

Можно заметить далее, что так же, как и корни, клитики способны образовывать самостоятельные лексические единицы, тогда как аффиксы служат лишь материалом для их построения. Отнесенность клитик к лексическому ярусу проявляется, прежде всего, в том, что так же, как порядок расположения корней, образующих отдельное грамматическое слово, порядок расположения клитик, образующих отдельное грамматическое слово, определяется, в частности, порядком расположения лексем в предложении (см. по этому поводу, например, [33; 35; 36]). Кроме того, если у клитики есть модель управления, то ее синтаксические отношения с подчиненной лексемой оформляются лексико-синтаксическими показателями (каждый клитический предлог, например, управляет определенным падежом, тогда как префиксы падежами не управляют, их синтаксические связи выявляются из порядка их расположения и валентностей, которые внутри грамматического слова эксплицитно не выражаются).

В литературном русском языке склоняющиеся и спрягающиеся клитики не встречаются, а вот в древнерусском языке основа связки была клитикой (см. [16]), способной присоединять грамматические морфемы (ср. *ѡ же есѠмь Гюргѡ ис Кіева выгналь, Како же ми есѠи самъ рекль*, где первые три грамматических слова в первом предложении и четыре — во втором образуют единое акцентное слово (примеры из [16, 24]); клитическими были и формы дательного (*мѠи, тѠи, сѠи, нѠы, вѠы, нѠа, вѠа*) и винительного

($m \oplus A$, $t \oplus A$, $c \oplus A$, $n \oplus B$, $v \oplus B$, $n \oplus a$, $v \oplus a$, $и$, $ю$, $е$, $ть$, $ь$) падежей личных и возвратных местоимений, не содержавшие тематического морфа. Клитические формы местоимений встречаются в устной русской речи и в настоящее время (Вот $\# \# \# m \oplus e \# \# \# \text{дам!}$ Я $\# \# \# m \oplus я \# \# \# \text{убил!}$). Есть такие клитики и в других языках, например, в турецком ($ev \oplus de \# kin \oplus de (R \oplus Loc \# Encl \oplus Loc)$ ‘у того, который в доме’), в немецком, где склоняются клитики-артикли. Очевидно, что в примерах склоняющихся и спрягающихся клитик мы имеем дело с особым классом словоформ, которые, как и корневые грамматические слова, состоят из основы и флексии, могут быть расклассифицированы по грамматическим разрядам, примыкают к другим типам парадигм или образуют свою. Так или иначе, но они требуют учета и отнесения их к морфологическим и/или синтаксическим грамматическим разрядам. При этом и клитики, не присоединяющие флексий, также должны быть наделены статусом отдельного грамматического слова, как, например, корневые наречия типа *уже* или *еще*. В дальнейшем я буду различать два типа словоформ: корневые и клитические. Они по-разному ведут себя в предложении: например, так называемый закон Ваккернагеля касается только клитических грамматических слов, корневые грамматические слова так себя вести не могут (см. об этом ниже).

При определении положения клитик в предложении (речь здесь всегда идет о том, с каким именно корневым грамматическим словом клитические грамматические слова должны образовать акцентное единство) учитывается два основных фактора: сфера действия клитики (сентенциональные, фразовые клитики, клитики, примыкающие к вершинной корневой словоформе) и формальные правила, применяемые к клитикам с данной сферой действия, определяющие их местоположение, с одной стороны, в клаузе или составляющей, с другой стороны, в акцентном слове относительно корня или реципиентной корневой словоформы и относительно других клитик. Характер правил, определяющих позицию клитики, создает «двойную бухгалтерию» в их статусе. Первый тип правил носит чисто синтаксический характер, второй — взаимодействует с морфологическими правилами организации акцентного слова, как одного из двух типов интегрантов морфо-

логического яруса языковой структуры: грамматического и акцентного слова. Одним из самых известных такого рода правил упорядочения клитик, как уже было сказано, является закон Ваккернагеля, касающийся упорядочения безударных слов в праиндоевропейском языке. Согласно этому правилу, слабоударные и безударные слова примыкали к словам под ударением, которые занимали второе место в предложении. Грамматический класс первого (ударного) члена предложения не был фиксирован. Правила расположения аффиксов, хотя тоже ориентированы на положение корня и характеристики других аффиксов, не выходят за пределы грамматического слова.

Наблюдения за базовыми клитиками позволяют утверждать, что в акцентном слове они всегда располагаются дальше от корня, чем аффиксы, а если говорить об энклитиках, можно заметить, что они стоят всегда после флексии, которая своим порядком расположения сигнализирует о конце грамматического слова. Это наблюдение можно использовать как диагностическое свойство при отделении энклитик от суффиксов и в том случае, когда между клитикой и корневым грамматическим словом нельзя вставить другого акцентного слова.

Кроме порядковых отличий между морфемами трех рассмотренных выше классов, есть, конечно, и морфонологические особенности, которые их отличают друг от друга. В качестве примера можно привести поведение одноименных проклитик и префиксов, оканчивающихся на гласный перед корневой морфемой ИД (ти). В контексте таких префиксов в качестве первой фонемы глагольного корня выбирается /j/ (*на+й+Ѡти, вы+й+Ѡти, по+й+Ѡти, у+й+Ѡти, пере+й+Ѡти, с+о+й+Ѡти* и т. д.), после проклитик, заканчивающихся на гласный, в качестве первой фонемы корня выбирается /l/ (*на#идуцего, по#идуцему, у#идуцего*).

Выявление общих сочетаемостных свойств ядерных классов морфем должно определить распределение морфов, не входящих в ядерные классы по первоначально полученным, или переместить из базового класса в правильный класс те морфемы, которые попали в неправильный класс из-за недостаточности информации.

2. 4. 2. Определение границ грамматического и акцентного слова на основе закономерностей, обнаруживающихся при построении цепочек конструктивных классов морфем.

Введем теперь порядковую маркировку морфов: для аффикса — только маркер его порядка расположения относительно корня или клитики, для клитики — двойную маркировку, — нулевую по отношению к присоединяемым к ней аффиксам (клитика — центр клитического грамматического слова) и маркировку по порядковому отношению ее к корневому грамматическому слову: R (корень) — 0 (маркер порядкового центра), Suf (суффикс) — \leftarrow (маркер морфемы, ориентирующейся на клитику или корень, расположенный слева от нее), Pref (префикс) — \rightarrow (маркер морфа, ориентирующегося на клитику или корень, расположенный справа от него), Encl (энклитика) — $\leftarrow/0$ (маркер морфа, являющегося для подчиненных ему в порядковом отношении аффиксов порядковым центром и ориентирующийся на корневое грамматическое слово, расположенное справа от него), Procl (проклитика) — $0/\rightarrow$ (маркер морфа, являющегося для подчиненных ему в порядковом отношении аффиксов порядковым центром и ориентирующегося на корневое грамматическое слово, расположенное справа от него).

На нескольких поколениях русскоязычных студентов, в том числе и нелингвистических специальностей, было проверено, что, при правильном усвоении условных обозначений, они легко и одинаково расставляют границы грамматических и фонетических слов в зашифрованном в терминах классов морфов тексте, в котором отсутствуют композиты, например, таком:

*ProclRRSufRPrefPrefRSufSufEnclRRRProclPrefRSufEnclProclPrefRSufSufSufEnclR \rightarrow
Procl#R##RSuf##R##PrefPrefRSufSuf#Encl###R###R###Procl#PrefRSuf#Encl##Proc
l#PrefRSufSufSuf#Encl##R.*

Из результатов этого эксперимента можно сделать вывод, что правильное отнесение морфа к определенному конструктивному классу позволяет носителю языка однозначно расставить границы грамматических и фонетических слов. Мы можем даже выявить в механизме расстановки границ определенные закономерности. Для этого обра-

тимся к записи той же цепочки классов, но в другой нотации, зашифруем теперь ее в терминах порядковых маркеров классов:

0/→#0##0←##0##→→0←←#←/0##0##0##0/→#→0←#←/0##0/→#→0←←←#←/0##0. Эта запись позволит нам исчислить типы границ между фонетическими словами.

1. ←##→ (*служивый##про+шел*)
2. ←##0 (*при+лет+е⊕л##уже*)
3. 0##0 (*я##уже*)
4. 0##→ (*уже##при+шел*)
5. ←/0##→ (*я#бы##под+о+бр+а⊕л*)
6. ←##0/→ (*под+ход+и⊕л##к#лесу*)
7. ←/0##0/→ (*я#бы##под#стол (не заглянул)*)

Общее правило постановки границы между двумя простыми несвязанными акцентными словами можно сформулировать следующим образом. Если текст не содержит композитов, граница ## между конструктивными морфами появляется тогда, когда порядковые стрелки направлены в разные стороны, или тогда, когда порядковая стрелка направлена в сторону от корневой морфемы (т. е. наблюдаются центростремительные отношения порядка), или когда рядом стоят два корневых морфа.

Теперь исчислим типы границ между грамматическими словами:

1. ←##→ (*служ+ив⊕ый##про+ш+е⊕л*)
2. ←##0 (*при+лет+е⊕л##уже*)
3. 0##0 (*я##уже*)
4. 0##→ (*уже##при+шел*)
5. ←/0##→ (*я#бы##под+о+бр+а⊕л*)
6. ←##0/→ (*под+ход+и⊕л##к#лесу*)
7. ←/0##0/→ (*я#бы##под#стол (не заглянул)*)
8. ←#←/0 (*у+ход+и⊕л⊕и#бы*)

9. $0/\rightarrow\#\rightarrow (u\#y+xod+u\oplus l)$
10. $0/\rightarrow\#0/\rightarrow (u\#v\#лес)$
11. $\leftarrow/0\#\leftarrow/0 (я\#то\#бы (не ушел))$
12. $0\#\leftarrow/0 (я\#бы)$
13. $0/\rightarrow\#0 (в\#дом)$

Принцип расстановки границ дополняется здесь случаями, учитывающими свойства клитик как центров клитического грамматического слова: либо две клитики оказываются рядом, либо клитика оказывается рядом с корнем, либо она оказывается рядом с аффиксом, ориентированным не на нее.

Сформулирую теперь важнейшие свойства, отличающие клитики, корни и аффиксы друг от друга. **Корневые морфемы** — это такой класс морфем, которые могут служить порядковым центром как для простого акцентного, так и для простого грамматического слова (не композита). **Клитики** — это такой класс морфем, которые могут служить порядковым центром для грамматического слова и не могут служить порядковым центром для простого акцентного слова. **Аффиксы** — это такой класс морфем, которые не могут служить порядковым центром ни для акцентного, ни для грамматического слова.

Проверим теперь с помощью полученных правил отнесения морфов к определенным конструктивным классам, а также правил расстановки границ грамматических и фонетических слов, хватит ли нам пробелов для адекватного выделения грамматических слов, и как работают на делимитацию дефисы.

2. 4. 2. Энклитика СЯ и понятие корнеклитического слова.

Возвратная морфема СЯ считается в РИСе аффиксом и интегральной частью простого грамматического слова. Однако проверку на описанную выше процедуру отнесения морфем к конструктивным классам она не проходит. СЯ не попадает в определенный базовый конструктивный класс, поскольку она не отделяется от корневого грамматического слова ни в каких контекстах. Она не может относиться к базовому классу корневых морфем, поскольку не встречается после паузы и не способно служить порядковым центром

акцентного слова. Если мы предположим, что это суффикс, то по позиции он может быть только грамматическим. Но СЯ не может быть отнесена к словоизменительным морфемам, поскольку она не является обязательной для грамматического разряда глаголов, прилагательных и наречий (деепричастий), со словоформами которых она только и встречается. Если считать ее суффиксом, то только деривативным. Но деривативные суффиксы не могут стоять после флексии. Такую позицию могут занимать только энклитики. Из этого напрямую следует, что СЯ — не аффикс. Поскольку эта морфема не встречается перед корневым грамматическим словом, она не может быть отнесена к обоюдосторонним клитикам. Из всего этого следует, что мы можем отнести ее только к энклитикам. Поскольку СЯ энклитика, граница корневого грамматического слова проходит перед ней (восьмой тип пограничного сигнала — $\leftarrow\#\leftarrow/0$) и после нее (пятый, седьмой или одиннадцатый тип пограничного сигнала). Почему же она во всех работах по русской морфологии называется постфиксом? Причин здесь три: 1) потому что традиционно клитики не выделяются в отдельный конструктивный класс; 2) потому что к сочетаниям морфем традиционно не применяется понятие идиомы и 3) потому что традиционно считается, что в русском языке может быть только один класс грамматических слов — корневые. Никаких научных оснований для этих решений нет. Напротив, статус постфикса СЯ нарушает стройность конструктивной классификации морфем. Решение признать эту морфему связанной клитикой (по аналогии со связанными корнями), способной образовывать идиоматические конструкции, смысл которых не выводится из смысловых компонентов составляющих их морфем (как, например, в *смеяться*), и решение ввести в дополнение к обычным новый класс грамматически значимых синтагматических единиц, **корнеклитическую словоформу** (впервые это понятие было введено в моей диссертации [2, 86], см. также [4, 25]), может решить все проблемы, связанные не только с СЯ, но, как мы увидим, с массой других сочетаний корневой словоформы с клитическими. Из предыдущего ясно, что корнеклитический класс словоформ является подклассом простых, несвязанных акцентных слов. Особенности, отличающими его от прочих акцентных слов являются: 1) по классификации А. А. Зализняка [16, 25] клитики, входящие в корнекли-

ней и флексий включают тематический морф {У} в $dv+y\text{Ø}x$ и смягчающее /o/ в $tr+ë\text{Ø}x$ и $четырь+ë\text{Ø}x$. Объяснить смену {У} на {’О} морфонологическим чередованием вряд ли возможно. Отметим, что в формах с {ЖДЫ} сегменты между ним и корнем числительного совпадают с показателями падежа. Тот факт, что они совпадают в трех сочетаниях с этой морфемой с тремя разными супплетивными алломорфами показателя именительного падежа, не может быть случайным, из чего можно сделать вывод, что между {ЖДЫ} и корнем стоит флексия. Если мы примем такую трактовку, то задача, определить класс рассматриваемой морфемы, сведется к тому же логическому рассуждению, что и в предыдущем случае. Она занимает позицию после флексии, притом что сама не является грамматическим суффиксом. Деривативной она быть не может, поскольку деривативные аффиксы не встречаются после флексий. Корнем она также быть не может, поскольку не способна быть порядковым центром отдельного фонетического слова. Следовательно, она клитика, причем, поскольку встречается только в постпозиции по отношению к корневому грамматическому слову, она относится к классу энклитик. Все акцентное слово целиком следует также отнести к классу корнеклитических словоформ, поскольку {ЖДЫ} обладает всеми характеристиками, перечисленными в предыдущем параграфе: {ЖДЫ} — именная клитическая словоформа со значением ‘раз’. Она заполняет одну из валентностей числительного, следовательно, состоит с ним в семантико-синтаксических отношениях (образует семантико-синтаксическое единство), является локальной, а не фразовой клитикой, и между ним и корневым словом нельзя вставить ни клитического, ни корневого грамматического слова.

2. 4. 4. Корнеклитические слова, традиционно считающиеся адвербиальными словоформами.

Рассмотрев два этих единичных случая, мы можем теперь рассмотреть большой пласт корнеклитических слов, который в русских грамматиках (см., например, [31]) считают простыми словоформами.

2. 4. 4. 1. Простые сочетания существительных с предлогами.

В лингвистической среде ходит анекдот, который может послужить нам началом рассуждения. Заседает орфографическая комиссия. Один из самых молодых ее членов, А., вносит предложение писать отдельно так называемые наречия с указанием направления: *вперед, назад, вверх, вниз* и проч. В ответ на это предложение один из старейших членов комиссии Б. просит молодого человека написать на доске в его новой орфографии словосочетания *вперед к Ахматовой* и *назад к Пушкину*. А. благодарит за понимание и выводит на доске *в перед к Ахматовой* и *на зад к Пушкину*. Потом вдруг краснеет, быстро стирает написанное и снимает свое предложение.

Остроумный трюк Б. сработал, поскольку орфографическая норма закрепила за двумя разными способами написания два разных значения лексем ПЕРЁД и ЗАД: соответственно, 'природная или искусственно ориентированная на вектор возможного передвижения часть X тела человека, его одежды или транспортного средства Y', 'природная или искусственно ориентированная на направление, противоположное вектору возможного передвижения часть X тела человека, его одежды или транспортного средства Y', и 'пространственный вектор X, исходная плоскость которого задается лицевой или головной стороной корпуса ориентира Y' и 'пространственный вектор X, исходная плоскость которого задается тыльной стороной корпуса ориентира Y'. Особенностью последнего значения является то, что оно может быть использовано при моделировании абстрактных пространственных координат, когда референциальная привязанность к ориентиру становится неопределенной, или когда ориентир заменяется известным вектором однонаправленного движения. Модельным по отношению к пространству вектором может стать время, «передний» и «задний» векторы которого определяется не положением тел ориентиров в пространстве, а некоторой временной окрестностью момента речи ориентира, связанный с абстрактным представлением о времени прогресс и т.п. В таких случаях референциальная отнесенность «переднего» и «заднего» векторов становится условной, из-за чего к этому существительному становится невозможно присоединить конкретно-референтное определение.

Со стороны старейшего члена комиссии Б. это был именно трюк, поскольку его скрытая контраргументация, направленная против предложения А., касалась не той проблемы, которая послужила причиной предложения изменить существующую норму орфографии. Истинная его причина состояла в том, что в нашей орфографии проклитики, как правило, пишутся с пробелом после них, а префиксы — без пробела. Слитное написание предлога с существительным орфографически переводит проклитики в разряд префиксов. Вот, как пишет об этом Русская грамматика (далее РГ) [31, 706]: «В тех случаях, когда в написании первообразный предлог сливается с падежной формой имени, он становится приставкой: *ввиду чего-н., вследствие чего-н., наподобие кого-чего-н.* Т. е., вполне понимая, что, например, *наподобие* является с грамматической точки зрения сочетанием первообразного предлога (по конструктивному статусу относящегося к классу проклитик) с существительным, содержащим именно ту флексию, которую требует этот предлог, написавшая этот раздел глубокоуважаемая Н. Ю. Шведова, видимо, считала, что решение орфографической комиссии о слитном написании предлога и следующего за ним существительного (глагол *сливается*, в этом случае, несомненно, обозначает не более, чем волевой акт) может перевести проклитику в префиксы. В качестве реплики-возражения напрашиваются строки из стихотворения Сергея Гандлевского «Самосуд неожиданной зрелости...»: «Бархударов, Крючков и компания // Разве это нам свыше дано!». Наивному представлению Н. Ю. Шведовой о возможностях комиссии, на мой взгляд, вопиюще противоречит тот факт, что в русском языке, независимо ни от какой комиссии, имеются четкие признаки, отличающие проклитику от префикса. В данном случае таким диагностическим признаком является управление совершенно определенным падежом со стороны предлогов и отсутствие такового у префиксов. В случае с *наподобие, вперед, назад* и т. п. это, может быть, не видно неискушенному морфологу, поскольку у существительного в словосочетании *на#подоб+иј@е* показатель именительного падежа совпадает с показателем винительного, существительные *перёд* и *зад* по ГС склоняются по типу 1с (по ГС Зализняка), а у этого типа именительный и винительный неодушевленный падежи выражаются нулем. Однако, если в той же конструкции высту-

пает существительное морфологического (по Зализняку) женского рода, падежный показатель сразу проявляется однозначно: *в#правд*⊕*у*, *в#затяжк*⊕*у*, *в#разбивк*⊕*у*, *в#присядж*⊕*у*, *в#приглядк*⊕*у*, *в#припрыжк*⊕*у*, *в#раскачк*⊕*у*, *на#встреч*⊕*у*, *на#половин*⊕*у*, *на#изнанк*⊕*у*, *на#удач*⊕*у*. Все существительные в этих конструкциях (ПРАВДА, ЗАТЯЖКА, РАЗБИВКА, ПРИСЯДКА, ПРИГЛЯДКА, ПРИПРЫЖКА, РАСКАЧКА, ВСТРЕЧА, ПОЛОВИНА, ИЗНАНКА, УДАЧА) стоят в определенном падеже, и этот падеж совпадает в них с тем, которым управляет предлог (В или НА), — с аккузативом. Ни один префикс в основе существительного не может управлять падежным показателем хотя бы потому, что падеж является маркером лексико-синтаксической связи, а не внутренней морфолого-синтаксической. Во внутреннем синтаксисе словоформы показателей синтаксической связи нет. Она определяется только по модели управления морфемы и порядку расположения морфов в основе. В приведенных выше конструкциях оформление синтаксической связи между предлогом и существительным остается лексико-синтаксическим, а это может быть только тогда, когда В и НА — предлоги-проклитики, а не префиксы.

Важным аргументом в пользу слитного написания конструкций рассмотренного выше типа является их синтаксическая и семантическая идиоматизация. Так, например, у словосочетаний *навстречу* и *на встречу* разные синтактика и семантика. Идиоматизированное словосочетание *на#встреч*⊕*у* стало обозначать ‘Перемещение Р в противоположном Х-у направлении’. Существительное, обозначающее Х-а, должно при нем стоять в дательном падеже: *Навстречу мне двигалась повозка*. В аддитивном словосочетании *на#встреч*⊕*у* существительное обозначает ‘случайное или оговоренное заранее пребывание Х-а с Y-ом в одном и том же месте в одно и то же время’. Модель управления определяется здесь не идиоматизированной связкой предлог + существительное, а только существительным: *На встречу с депутатом пришел весь двор*.

Однако идиоматизированность сочетания морфем или лексем никак не может повлиять на отнесенность морфемы к конструктивному классу, поскольку идиома отлича-

ется от аддитивного сочетания языковых единиц только соотношением означающего и означаемого: в аддитивном сочетании членение элементов означаемого полностью соответствует членению означающего. Значение целого выводится из значений лексем (морфем). В идиоматическом сочетании изоморфизм в членении означающего и означаемого отсутствует, означаемое целого не выводится из означаемых составляющих его идиоматических единиц. Означающее целого выражения представимо через означающие составляющих выражение единиц, а означаемое — нет. Принадлежность морфем к тому или иному конструктивному классу здесь совершенно ни при чем. Вряд ли кто-нибудь из исследователей будет отрицать, что, например, в пословице *не в свои сани не садись* *не* и *в* — клитики (частица и предлог), *свои* — форма accusativa мн. ч. прилагательного СВОЙ, *сани* — форма accusativa мн. ч. существительного САНИ, а *садись* — императив глагола САДИТЬСЯ.

К рассмотренным случаям примыкает достаточно большое количество так называемых наречий и предлогов, для пересмотра представлений о которых не требуется никаких дополнительных аргументов: *вверх, вниз, вбок, вброд, ввек, вовек, вволю, ввысь, вглубь, вдаль, вдрызг, вдогон, вдупель, внаем, вместо, наместо, внакидку, взасос, внахлест, вконец, вразброд, вразной, всерьёз, вполовину, вправду, взатяжку, вразброс, вразбивку, вприсядку, вприглядку, вприпрыжку, враскачку, наверх, набок, навстречу, наконец, наполовину, накрест, наизнанку, наудачу, наперекос, навынос, наподбор, напоказ, напрокат, ввиду, вследствие* и др.

Все эти примеры можно отнести к корнеклитическим словам, поскольку они отвечают тем их характеристикам, которые были перечислены выше (см. п. 2. 4. 2). Пояснения требует только пункт, который касается сферы действия предлога. Предлог — несомненно, фразовая клитика, которая действует на предложной группе и является ее вершиной. В принципе предлог может образовывать с реципиентной корневой словоформой асинтаксическую акцентную конструкцию (*в#большой##дом*). Однако в идиоматических конструкциях типа перечисленных выше у подчиненного ему существительного появляется ограничение на сочетаемость: ему в таких конструкциях запрещается прини-

мать определения как препозитивные, так и постпозитивные. Группа становится непроницаемой и для других локальных проклитик. Следствием этого запрета становится образование предлога из фразовой в локальную клитику, клитику, примыкающую к синтаксически связанной с ней корневой словоформе.

Если говорить теперь о парадигматических отношениях, то в противоположность корнеклитическим словам с СЯ, которые образуют нормальные парадигмы спряжения и склонения, а, следовательно, могут быть поставлены в соответствие абстрактной корнеклитической лексеме (скажем, УМЫТЬСЯ, или ОПРОКИДЫВАЮЩИЙСЯ) и могут быть отнесены к определенной корнеклитической части речи, и рассмотренные в предыдущем параграфе корнеклитические слова с энклитикой ЖДЫ, и рассмотренные в настоящем параграфе сочетания существительных с предлогами никакой парадигмы образовать не могут. Они не могут быть отнесены к той или иной морфологической части речи (по А. А. Зализняку), пусть даже и корнеклитической, их таксономический класс может быть определен только сочетаемостными свойствами и стоять в одном ряду с такими же синтаксическими (корнеклитическими) частями речи, которые еще только предстоит выделить чисто дистрибутивными методами.

Из предыдущего анализа, кроме всего прочего, становится ясно, что наличие пробела и его отсутствие может быть обусловлено согласно решениям орфографической комиссии различными, мало связанными друг с другом факторами (омонимией, идиоматичностью, различием в принадлежности морфем к тому или иному конструктивному классу), при этом смена способа написания, обусловленная одним фактором, автоматически меняет на противоположные все прочие характеристики фонетического слова и морфем, которые в него входят. При таком положении дел довериться пробелам как пограничным сигналам границ словоформы никак нельзя. Поэтому выбранное А. А. Зализняком решение, несомненно, требует коррекции, которую мы, его последователи, и должны произвести. Продолжим рассмотрение других случаев слитного написания корневых и клитических грамматических слов, поскольку в них кроется еще достаточно много инте-

ресных деталей, которые заставляют морфолога принимать какие-то новые в сравнении с РИСом решения.

2. 4. 4. 2. Сочетания предлогов с субстантивированными полными прилагательными.

Рассмотрение примеров типа *во-первых, во-вторых, в-третьих, по-прежнему, по-видимому, по-лошадиному, по-деловому, по-походному, по-местному, по-маминому, по-мужскому, по-городскому, по-птичьему, по-тихому, по-хорошему, по-честному, вчистую, начистую, напрямую, надаровую, враспынную, впервые, зачастую, наверное, подчистую* должно быть построено по тому же алгоритму, что и сочетания с существительными. Достаточно понять, что мы имеем здесь дело с субстантивированными прилагательными. Представленные выше примеры — корнеклитические словоформы с предлогом в качестве вершинного элемента конструкции. Предлог здесь управляет определенным его моделью управления падежом субстантивированного прилагательного.

2. 4. 4. 2. Сочетания предлогов с субстантивированными краткими прилагательными.

Приведенные ниже примеры идиоматизированных (по терминологии А. А. Зализняка «лексикализованных») предложных групп с субстантивированными краткими прилагательными: *с#прав@a, с#лев@a, с#ыз#нов@a, с#ыз#мал@a, с#полн@a, с#глуп@a, в#горяч@aх, в#далек@e, не#в#далек@e, в#лев@o, в+o#един@o, с#прост@a, с#горяч@a, с#молод@y, не#с#прост@a, до#бел@a, до#гол@a, до#красн@a, до#наг@a, до#поздн@a, до#темн@a, до#полн@a, до#сух@a, до#пьян@a, из#желт@a (-красный), из#зелен@a (-синий), ис#сер@a (-голубой), ис#сиз@a (-голубой), ис#син@я-черный, ис#черн@a (-синий), на#весел@e, на#готов@e, на#коротк@e, на#легк@e, на#равн@e, с#нов@a, с#перв@a, с#легк@a, с+o#общ@a, с#высок@a, с#млад@a, с#мал@y, с#горяч@a, с#пьян@a, с+o#слеп@y, на#прав@o, в#прав@o, на#лев@o, на#нов@o, за#нов@o, на#перв@o, за#мертв@o, на#мертв@o, ис#кос@a, не#по#далёк@y, по#мног@y, по#напрасн@y, по#люб@y, по#долг@y, по#мног@y, из#давн@a, по#добр@y, по#здоров@y, по#ровн@y,*

по#част⊕*у*, *по#прост*⊕*у*, *по#пуст*⊕*у*, *по#сух*⊕*у*, *не#по#далек*⊕*у*, *в#черн*⊕*е*; *до#красн*⊕*а*, *до#син*⊕*я*, *из#далек*⊕*а*, *в#скор*⊕*е*, *в#чуж*⊕*е*, *в#тр*⊕*и##дорог*⊕*а*, *в#тр*⊕*и##дешев*⊕*а*, *в#пол##пьян*⊕*а*, *с#дур*⊕*у*, *в#жив*⊕*е*, *в#нов*⊕*е*, *в#коротк*⊕*е*, *на#коротк*⊕*е*, *в#полн*⊕*е*, *на#един*⊕*е*, *из#редк*⊕*а* требуют при их описании решения некоторых новых теоретических проблем, не рассмотренных выше. Речь пойдет о том, как рассматривать идиоматические сочетания в клиτικο-корневых акцентных и простых грамматических словах, насколько следует учитывать идиоматические конструкции при построении грамматики языка и синхронной интерпретации идиоматизированных конструкций и насколько возможно описать весь языковой материал с помощью одной непротиворечиво построенной грамматики.

Начнем с идиоматичности конструкции. Выше уже было отмечено, что понятие идиоматичности, как на это указал И. А. Мельчук, связано с отношениями представимости означающего целого сложного знака S через означающие знаков $S_1 \dots S_n$ и непредставимости означаемого S через означаемые тех же знаков (см. об этом [27, 141 — 147]). К этому определению следует добавить, что в понятие представимости и непредставимости входит операция языкового объединения \oplus (см. по поводу этого понятия [26; 27, 131 и далее; 28]). «Она представляет собой операцию объединения любых языковых единиц согласно: а) стандартным грамматическим правилам языка L и б) информации, содержащейся в синтактиках всех затрагиваемых данной операцией единиц» ([28, 224]). Эта операция, в частности, может включать в свои функции сохранение правильно оформленных синтаксических связей между элементами. Л. В. Щерба на своем знаменитом примере *Глокая кудра итеко будланула бокра и кудрячит бокренка* показал, что даже при полной бессмысленности основ корневых грамматических слов синтаксические показатели сохраняют свое значение, благодаря чему структура предложения распознается правильно и остается понятной носителю языка. Особенностью идиомы является то, что в ней элиминируется, отменяется интенциональное наполнение основ знаков, составляющих сложное целое, из-за чего вся идиоматическая конструкция становится похожей на выра-

жения типа *глокой кудры*. Однако интенциональный компонент синтаксических показателей конструкции (падежей, согласования, управления, порядка слов) **не идиоматизируется** и поэтому не отменяется, благодаря чему синтаксическая структура идиомы остается понятной. Более того, понимание идиомы становится возможным только тогда, когда распознана ее синтаксическая структура и лексический состав. То же можно сказать и о таксономической отнесенности тех или иных языковых единиц. В поговорке *попал, как кур в оцип* лексема КУР, несмотря на то, что она вышла из употребления, не перестает быть существительным, предлог В — предлогом, а ОЦИП — отглагольным существительным, равно как не перестает {КУР} быть корневой морфемой, {Ø_{nom.sg}} — грамматическим суффиксом, {О} — префиксом, а {ЦИП} — корнем. Из сказанного выше следует, что все синтаксические и морфологические свойства, в том числе и таксономические свойства знаковых единиц, входящих в идиому, сохраняются.

Отличие идиоматического сочетания знаков от выражений типа того, что придумал для своих студентов Лев Владимирович Щерба, состоит в том, что неграмматическому целому идиоматической конструкции сопоставляется интенциональный компонент, по структуре не обязательно имеющий с его синтаксисом что-то общее. Не выполняются общие правила перехода от глубинной синтаксической структуры (по Мельчуку) к семантическому представлению, выполняются индивидуальные правила, свойственные только данной идиоме. Перечисленные свойства объединяют идиомы всех языковых ярусов: сентенциального яруса, яруса словосочетаний и морфологического яруса.

Проведенное рассуждение позволяет утверждать, что как раз грамматика идиом остается в них нормативной, за исключением случаев, когда эта грамматика из-за невозможности менять в идиоме никакие элементы на синонимичные, приходит к нам вместе с грамматикой языка донора (как, например, структурная калька из греческого типа ЛЮБОМУДРИЕ) или языка-предка, как, например, в случае со склоняющимися краткими прилагательными в приведенных выше примерах.

Признание идиоматических сочетаний предлогов с субстантивированными краткими прилагательными позволяло А. А. Зализняку в РИСе и ГС констатировать тот факт,

что в русском языке краткие прилагательные не склоняются. Однако наличие в русских текстах словосочетаний типа *добра молодца, красну девицу, по белу свету, на босу ногу, средь бела дня, от мала до велика, мил человек, мать сыра земля, сыр бор*, наличие в поэтических текстах скомпрометировавших себя «искусственностью» так называемых усеченных форм прилагательных, если мы хотим полноты описания грамматических форм русского текста, заставляет нас представить грамматические характеристики и этих его фрагментов, и характеристики идиоматических сочетаний субстантивированных кратких прилагательных с предлогами. Несомненно, что рассмотрение этих последних как целого, без морфолого-синтаксического анализа конструкций, объявление их наречиями не просто паллиатив, а, как я постарался показать выше, это еще и, во-первых, неверное с морфологической точки зрения решение относительно категориальной принадлежности предлогов к префиксам, во-вторых, неверное истолкование сегментов [А] в *с#прост*⊕а, *с#горяч*⊕а, *с#нов*⊕а, *с#перв*⊕а, *с#легк*⊕а, *с#высок*⊕а, *с#млад*⊕а, *с#пьян*⊕а до#бел⊕а, до#гол⊕а, до#красн⊕а, до#наг⊕а, до#поздн⊕а, до#полн⊕а, /ц/ в *с#молод*⊕у, *со#слеп*⊕у, *с#мал*⊕у, /е/ в *на#весел*⊕е, *на#готов*⊕е, *на#коротк*⊕е, *на#легк*⊕е, *на#равн*⊕е, /о/ в *на#прав*⊕о, *на#лев*⊕о, *в#прав*⊕о, *в#лев*⊕о, *на#мног*⊕о, *во#мног*⊕о, *за#дорог*⊕о, *на#строг*⊕о, /ц/ в *по#люб*⊕у, *по#долг*⊕у, *по#мног*⊕у, *по#ровн*⊕у, *по#част*⊕у, *по#пуст*⊕у: которые ни с чем другим, кроме как с означающими флексий, идентифицировать невозможно, причем это не диахронический, а синхронический факт. Это легко проверить, сверяя модель управления предлога с флексией, которой данный предлог управляет, с означающими родительного первого, родительного второго, дательного, предложного и местного падежей существительных. Предлог С управляет родительным падежом (*с моста, с ведра, с крыши, с ночи*), или родительным 2 (*с пыли, с жару*). Тем же падежом управляют предлоги ДО (*до дома, до дому, до крыльца, до ночи*) и ИЗ (*из дома, из дому, из села, из коня, из баржи, из геля*). Предлог НА может управлять предложным падежом (*на доме, на поле, на лесе, на коне, на мелочи*), местным (*на боку, на полу, на кону*), или винительным (*на дом, на волю, на коня, на село*). Такая же модель управления у предлога

В (*в доме, в лесу, в страну, в село, в степь*). И, наконец, предлог ПО управляет дательным падежом (*по дому, по селу, по дороге, по степи*).

В-третьих, как это можно увидеть из представленных примеров, за исключением творительного падежа, в этих предложных группах представлена вся подпарадигма склонения единственного числа и часть подпарадигмы множественного числа (*в#горяч+ах*). Введенное и теперь уже прижившееся понятие дефектной парадигмы позволяет нам признать склоняющиеся краткие прилагательные синхроническим фактом русской грамматики. Признание этого факта требует согласования наших утверждений с теми, которые касаются базовой грамматики современного русского языка.

В РИСе А. А. Зализняк признает краткие и полные формы прилагательного принадлежащими словоизменительной парадигме одной и той же лексемы на том основании, что краткие формы прилагательных не склоняются и распределены в употреблении с полными: краткие формы используются только в предикативной функции, полные прилагательные — в атрибутивной. Спорным моментом в этом утверждении является то, что есть одна конструкция, в которой возможны и полные, и краткие формы, и в большей части контекстов они выступают как синонимы (ср. *он был молод и строптив* vs. *он был молодой и строптивный*). Противопоставление по смыслу, образуемое в парах типа *этот мальчик весел* и *этот мальчик веселый*, *этот мальчик здоров* и *этот мальчик здоровый* А. А. Зализняк вслед за А. В. Исаченко ([20]) относит на счет противопоставленности двух разных синтаксических конструкций, во второй из которых полное прилагательное рассматривается как субстантивированное, встающее в один ряд с конструкциями типа *этот мальчик шалун* или *он учитель*, а первая рассматривается как конструкция с особой структурной схемой. Благодаря этой трактовке дистрибуция полных и кратких прилагательных сохраняет свойство дополнительности. Автор РИСа вводит граммемы атрибутивности и неатрибутивности, которые благодаря дополнительной распределенности становятся возможным считать однородными элементами одной грамматической категории. Это решение, в свою очередь, позволяет А. А. Зализняку считать соответствующие краткие и полные формы прилагательных относящимися к одной лексеме. Для лек-

сем типа МОЙ, не имеющих кратких форм, категория атрибутивности — неатрибутивности считается словоклассифицирующей, а не словоизменительной, для лексем типа ЗДОРОВ — словоизменительной, равно как и для лексем типа РАД, не имеющих полных форм прилагательных. Их парадигмы словоизменения считаются дефектными. Видимо, только морфолог-теоретик может насладиться красотой и изяществом принятых А. А. Зализняком решений, позволивших сохранить грандиозную архитектуру его теоретической концепции, стройность и логичность ее строения! Упомянутые решения позволяют сбросить и основную идею определения грамматического разряда как совокупности лексем, имеющих один и тот же набор грамматических категорий.

Красиво! Но не всякое красивое решение оказывается однозначно верным. Дело в том, что субстантивация может быть двух типов: контекстная субстантивация (например, в конструкциях с эллипсисом) и категориальная субстантивация. Контекстная субстантивация представляет собой опущение существительного, при котором прилагательное остается полноценным представителем всей именной группы. При этом своих адъективных сочетаемостных свойств оно не теряет и, следовательно, с точки зрения категориальной принадлежности остается прилагательным. Например, *Так, он, в результате, захотел жить в очень большом или в очень уютном доме? — В очень большом. Он выбрал очень красивое или очень точное ружье? — Очень красивое.* В ответных репликах этих двух примеров прилагательные субстантивируются, иначе они бы не могли стать вершинным элементом именной группы, а в первом предложении прилагательное не могло бы вступить в синтаксическую связь с предлогом. Однако, судя по тому, что прилагательные в этих предложениях состоят в синтаксической связи с лексемой ОЧЕНЬ, которая не сочетается с существительными, с категориальной точки зрения они сохранили свойства прилагательного. С лексической точки зрения мы, таким образом, имеем здесь дело с адъективной лексемой с полным набором ее грамматических категорий. При категориальной субстантивации грамматическая категория рода лексемы переходит из разряда словоизменительных в разряд словоклассифицирующих, теряет способность к обязательному согласованию по роду в функции именной части сказуемого (ср. *она была выдающимся*

ученым), полностью меняются и сочетаемостные свойства лексемы: она больше не может вступать в синтаксические связи с наречиями и без всякого эллипсиса способна заполнять субстантивные валентности других существительных, прилагательных, глаголов и предлогов. Аргументация А. В. Исаченко, на которую ссылается А. А. Зализняк, относится к первому типу субстантивации. Это верно и для примеров типа *Он вернулся усталым/Он вернулся очень/крайне/необыкновенно усталым*. Лексемы типа УЧЕНЫЙ, РАБОЧИЙ и т. п. в статусе субстантивированных начинают вести себя как существительные, что проявляется, прежде всего, в том, что к ним может присоединяться определение, в том числе и адъективное определение, например, *Товарищ Сталин, вы большой ученый. Этот великий ученый прожил насыщенную событиями жизнь. Он необыкновенный ученый*. В статусе прилагательного лексема УЧЕНЫЙ не может вступать в синтаксическую связь с адъективными определениями, синтаксически с прилагательными в этой роли могут быть связаны только наречия: *Этот глубоко ученый человек в жизни был доверчив и наивен, Очень ученый человек не станет заниматься такими глупостями*. Если мы теперь попробуем протестировать краткие и полные прилагательные в позиции именного сказуемого, получим результаты, подтверждающие мою гипотезу: если бы в предложении *он был веселый* ВЕСЕЛЫЙ было категориально субстантивированным, то определение к нему должно было присоединяться в форме прилагательного, а не наречия. Но предложение **Он был необыкновенный веселый* грамматически неверно, верно только *Он был необыкновенно веселый*. О том, что прилагательные в составе сложного сказуемого не субстантивируются в указанном выше смысле, говорит и то, что к ним, как и к кратким прилагательным, можно присоединить, например, наречие ОЧЕНЬ, которое не сочетается с существительными: *Он был очень весел, он был очень веселый*, но **Он был очень физик* сказать нельзя, равно как нельзя сказать и **Он был необыкновенно физик*. Эти примеры показывают, что по сочетаемостным характеристикам полные прилагательные объединяются в один синтаксический класс не с существительными, а с краткими прилагательными, что полностью снимает вопрос об их противопоставленности, поскольку,

как было показано выше, категориальный статус прилагательного при субстантивации первого типа не меняется.

Из неточности ключевого утверждения, позволившего автору РИСа создать столь стройную систему грамматических разрядов, следует и то, что неверным оказывается утверждение о распределенности в употреблении кратких и полных форм прилагательных: как полные, так и краткие формы могут выступать в одной и той же синтаксической конструкции в идентичных функциях, и в большей части контекстов синонимичны. Если они, хотя бы частично, взаимозаменяемы, то перестает быть актуальным противопоставление атрибутивности — неатрибутивности, поскольку его нельзя полностью списать на противопоставление синтаксических конструкций, а противопоставление форм полных прилагательных — на противопоставление субстантивированных и несубстантивированных. Из этого, в свою очередь, следует, что в парадигму одной и той же лексемы соответствующие формы кратких и полных прилагательных могут попасть только, если истолковать их как вариативные (как, например, формы творительного падежа существительных *весной* — *весною*), что опять-таки сделать нельзя из-за того, что в некоторых случаях они противопоставлены.

Невозможность объединить соответствующие краткие и полные прилагательные в одну лексему влечет за собой пересмотр состава грамматических разрядов. При этом исследователь оказывается здесь в непростом положении. Поскольку в рассмотренных выше идиоматизированных конструкциях «предлог + субстантивированное краткое прилагательное» эти последние не могут присоединять к себе никаких определений, мы не можем проверить, с какого рода субстантивацией мы имеем здесь дело. Это обстоятельство позволяет нам рассматривать в конструкциях с краткими прилагательными как равновозможные оба типа субстантивации. Если мы остановимся теперь на первом типе трактовки (эллиптический тип), мы должны будем признать, что краткие прилагательные склоняются. В этом случае нам придется признать также, что набор грамматических категорий у полных и кратких форм совпадают. При этом одной и той же частью речи признать их будет нельзя, поскольку, как это уже было сказано, они не обнаруживают дополнитель-

ного распределения, и наборы показателей рода, числа и падежа у них не совпадают. Есть и еще один тест на принадлежность к одной и той же части речи — сочинительная конструкция. В сочинительных конструкциях с союзом И не допускаются разные части речи. Ср. **Ему запретили пить и курение*. В широко известной песне неизвестного автора «Раскинулось море широко» есть такой куплет:

Не слышно на палубе песен

И Красное море волною шумит

А берег суровый и тесен, —

Как вспомнишь, так сердце болит.

Третья строка в этом куплете режет слух. Предложение «А берег суровый и тесен» очевидным образом нарушает правило построения сочинительных конструкций именно тем, что краткие и полные прилагательные относятся к разным частям речи.

Итак, в предыдущих абзацах было показано, что краткие и полные прилагательные относятся к разным грамматическим разрядам. Признание этого факта приводит к тому, что критерий А. А. Зализняка, по которому части речи отличаются друг от друга набором грамматических категорий, перестает работать, поскольку по нашему первому предположению краткие прилагательные в идиоматических сочетаниях с предлогом сохраняют свой адъективный статус и склоняются по всем падежам единственного числа, кроме творительного и по двум падежам множественного. Таким образом, и краткие, и полные прилагательные обладают одним и тем же набором грамматических категорий: категорией числа, падежа и словоизменительного рода (согласовательного класса). При такой трактовке краткие и полные прилагательные с морфологической точки зрения отличаются друг от друга только набором флексий, обозначающих одни и те же граммы, а с синтаксической точки зрения характеризуются неполным распределением: краткие прилагательные в качестве определений к существительным используются только в идиомах, не используются в такой функции в аддитивных словосочетаниях, а также не встречаются в конструкциях типа *Он вернулся веселым*. Как полные, так и краткие прила-

гательные используются в качестве именной части составного сказуемого. С точки зрения семантико-синтаксической организации (см. [3]) они идентичны.

При втором варианте трактовки (краткие прилагательные считаются категориально субстантивированными) нам все равно предстоит решить проблему с идиоматическими словосочетаниями типа *(разгорелся) сыр бор, от мала до велика* и т. п. Целесообразнее всего описывать их маргинальной системой правил, что равносильно постулированию для них отдельной, маргинальной грамматики, оставшейся современному состоянию языка от прежних времен. Такое решение предлагал фактически на одной из своих лекций А. А. Зализняк, когда объяснял нам, что в постоянно меняющемся естественном языке всегда происходит так, что часть существующих правил в какой-то момент начинает вытесняться новыми. И вначале новые правила охватывают лишь небольшую часть материала. Но потом под их действие подпадает все больше и больше языковых единиц, а под действие старых правил их подпадает все меньше. Парадокс языкового развития состоит в том, что старые правила в конечном итоге становятся маргинальными, но объем материала, который подпадает под их действие, никогда, или почти никогда не сокращается до нуля. Из этого следует, что наряду с базовой грамматикой в синхронном срезе языка всегда действует множество маргинальных грамматик, которые противоречат базовой и достались современному языку от прежних времен. Из этого наблюдения следует сделать вывод, что всякий лингвист, стремящийся к тому, чтобы охватить своей интегральной теорией все факты языка, должен понимать, что общая грамматика конкретного языка должна состоять из базовой и ряда маргинальных грамматик. Именно с таким случаем мы и сталкиваемся, когда нам необходимо описывать достаточно редкие идиомы с падежными формами кратких прилагательных. Приняв решение о том, что полное описание языка не может опираться на одну непротиворечивую грамматику, мы можем теперь выделить упомянутые выше идиоматические словосочетания в корпус, описываемый особой грамматикой. Для прочего материала будет действовать установка, по которой краткие прилагательные не склоняются. Отсутствие у них падежных форм позволяет нам выделить их по чисто морфологическим критериям в отдельную часть речи. Если принять

предложение о том, что полная грамматика любого языка представляет собой множество субграмматик, мы можем со спокойной совестью объявить и рассмотренные выше корне-клитические образования с падежными формами кратких прилагательных корпусом, описываемым маргинальной грамматикой. В таком случае становится непринципиальным и то, как мы будем трактовать субстантивацию падежных форм кратких прилагательных — как категориальную или эллиптическую, это уже не сможет повлиять на то, как будет построена базовая грамматика.

Замечу, что, несмотря на то, что правила построения форм кратких прилагательных обслуживают идиоматизированные конструкции, они могут быть вполне продуктивны. Такова, например, конструкция типа *иссиня-черный, иссера-фиолетовый, изжелта-красный*. А это значит, что формы этой конструкции не вынимаются в готовом виде из памяти, а строятся по живым правилам, частью которых является, например, построение форм кратких прилагательных в родительном падеже. Из этого наблюдения следует, что идиоматичность и непродуктивность конструкции не всегда одно и то же (ср. описание так называемых лексических функций в работах И. А. Мельчука и его школы).

2. 5. Операции как разновидность означающего.

Для того, чтобы адекватно проанализировать следующий тип сочетаний с предлогами, который во всех грамматиках русского языка и в ГС трактуются как наречия, нам понадобится термины «операция» и «оператор», которыми не пользуются исследователи, придерживающиеся направления исследований типа «слово и парадигма», к которому относился и А. А. Зализняк.

Под операцией понимается существенное для построения и понимания текста действие его автора над означающим, означаемым, синтаксикой знака или их элементарии, которое не отражается в тексте в виде линейного компонента, а присутствует в нем как результат этого действия, и адресатом воспринимается именно таким образом. Под оператором я буду понимать лингвистическую модель операции, которая в метаязыке отображается в виде следующих трех компонентов: инструкции, аргумента и сферы действия. В инструкции содержится информация о последовательности действий, которые

необходимо произвести с аргументом X ; аргументом оператора является знак X , его означающее, означаемое, синтактика (синтактический класс языковой единицы и его дистрибуция) или их элементы, с которыми производятся действия, указанные в инструкции; сфера действия — это инструкция о том, сколько раз нужно произвести описанную в инструкции последовательность действий с одним и тем же аргументом или о том, на каком множестве единиц должны быть проделаны те же действия. Поясню теперь сказанное в определении на примере оператора чередования. Чередование отличается, например, от оператора замены тем, что оно работает только в тех случаях, когда нельзя выделить ступень чередования, которую можно было бы назвать исходной. Типичным оператором чередования является гармонизация гласных.

В турецком языке, например, оператор гармонизации действует следующим образом. Пусть нам дан, скажем, корень *kardeş*, и нам надо построить с ним форму, которая переводится как ‘от его братьев’. Это значит, что нам надо присоединить к корню морфему множественного числа объекта принадлежности (IV^2t , где V^2 — аргумент оператора гармонизации, переменная, определенная на паре фонем $\{/a/, /e/\}$), форму второго лица субъекта принадлежности (V^4n , где V^4 — аргумент оператора гармонизации, переменная, определенная на множестве из четырех фонем $\{/i/, /ı/, /u/, /ü/\}$), нулевую морфему ед. ч. и показатель исходного падежа (DV^2n , где D — переменная, определенная на паре согласных фонем $\{/t/, /d/\}$). Инструкция оператора гармонизации (дается в сильно упрощенном виде) состоит в том, что каждая константа, которая должна быть подставлена на место переменной, должна быть согласована с последней гласной предыдущего морфа по ряду и огубленности. Последняя гласная корня — $/e/$ — неогубленная гласная переднего ряда, следовательно, по инструкции в первой морфеме после корня — показателе мн. ч. — из двух гласных, на которых определена переменная оператора, следует выбрать $/e/$, поскольку она переднего ряда ($/a/$ — среднего ряда). Это первый такт работы оператора. **Сферой действия** его является, грубо говоря, фонетическое слово. Это значит, что операция гармонизации не закончит работу до тех пор, пока не будет обработан последний гармонизируемый морф фонетического слова. В сфере же действия должна содержаться

информация о том, в каком порядке должны обрабатываться морфы фонетического слова. В нашем случае порядок прост: от ближайшего к корню суффикса — к концу фонетического слова. В следующем морфе из четырех гласных верхнего подъема должна быть выбрана /i/, поскольку она, как и /e/, переднего ряда и неогубленная, в последнем морфе из двух согласных выбирается /d/, поскольку согласная слева от нее — не глухая, а из двух гласных — /e/, поскольку она — переднего ряда. В результате получается форма *kardeş⊕ler⊕in⊕den*.

Операторов насчитывается несколько видов. Во-первых, они классифицируются по типу аргумента: операции могут совершаться над сегментным составом означающих знаков, просодией сложных знаков, над синтактикой знака, над его означаемым и, наконец, над целостным знаком. Основные типы операторов над сегментным составом означающего знака — чередования, перестановки, усечения (элиминации), вставки (эпентезы), замены, мультипликации (т.е. удвоения, утроения единиц и т. д.), трансформации (например, увеличение долготы, продвижения в артикуляции, смена степени подъема у гласных, смягчение у согласных, смена режима работы голосовых связок и т. д.); особое место занимает ноль, который можно трактовать и как нулевую фонему, и как нулевой оператор³. Оператор, как элемент означающего, может функционировать так же, как це-

³ Приведу здесь краткое обоснование необходимости нулевого означающего на примере. Возьмем форму именительного падежа единственного числа лексемы ДОМ. Означающее его основы *дом* не представимо через означающие других морфов (см. об этом ниже), из чего следует, что основа здесь равна корню. Означаемое словоформы *дом* состоит из трех компонентов: значения корня 'дом'='жилище человека', значения именительного падежа (обозначим его 'nom') и значения единственного числа (обозначим его 'sg'). На все эти три компонента значения приходится только одно означающее, равное означающему корневого морфа. Для того чтобы непротиворечиво постулировать здесь знаковую структуру словоформы, мы должны определить, каково означающее оставшихся двух компонентов. Здесь имеется всего две логические возможности: считать, что значения именительного падежа и единственного числа выражаются тем же означающим, что и значение корневой морфемы, или считать, что у падежного и числового значений имеется отдельное означающее, выраженное значимым отсутствием фонем или нулевой фонемой, которая традиционно обозначается как Ø. Допустим теперь, что логически непротиворечивой является первая трактовка и посмотрим, правильно ли это. Если верно, что сегмент *дом* обозначает компоненты значения 'nom' и 'sg', то он должен обозначать их во всех контекстах, в которых он появляется, следовательно, и, например, в словоформе *дом⊕ов*. В таком случае означаемое этой словоформы состоит из следующих компонентов значения: 'дом', 'nom' 'sg' 'gen' 'pl'. Из четырех последних компонентов две пары взаимно исключают друг друга, что противоречит правилам построения означаемых языковых единиц. Противоречит это и нашей интуиции. Из этого следует, что мы

почка фонем. Он может, как и сочетание фонем или одна фонема, самостоятельно ничего не обозначать (как, например, чередование д/ж в *ходить/хожу*), а может и служить самостоятельным означающим отдельного языкового знака, как, например, в случае действия оператора мультипликации в сочетаниях *быстро быстро, часто часто, редко редко*, где он имеет значение ‘очень’. Частотность оператора мультипликации в сочетании, например, с лексемой ЧАСТО в Яндексе — 70 612, с лексемой ЕДВА — 150 000, с лексемой ЧУТЬ — 5 175 864; если же подсчитать, какова частотность этого оператора со всеми лексемами, с которыми он может сочетаться, получится очень внушительная цифра. Следует заметить, что, например, на английский язык подобные сочетания надо переводить как сочетания лексем, а не как сочетания лексемы и оператора. В английском языке **quickly quickly, *slowly slowly, *seldom seldom* сказать нельзя, можно только — *very slowly, very quickly* и т. д.

Очень частотным оператором в русском языке является оператор перестановки лексем в предложных и именных группах, хотя он используется только в нескольких конструкциях: *часа два* дает 313 000 употреблений, *часа в три* дает 40 000 употреблений. Перестановка здесь также имеет собственное значение — ‘приблизительно’. *Часов около десяти* — порядка двух тысяч. Эти операторы также должны переводиться на английский язык лексическим способом.

Приведу примеры на использование других операторов. Оператор перестановки, который лучше называть оператором упорядочения, в представлении не нуждается, поскольку на нем держится весь синтаксис, в некоторых языках актуальное членение и мно-

пришли к противоречивой трактовке. Поскольку их всего две, правильной следует считать вторую. Она, действительно, не находит никаких противоречий. Ноль постулируется в языке в тех случаях, когда выявляется компонент значения, который нельзя отнести ни к какому из имеющих свое эксплицитно выраженное означающее знаков, входящих в словоформу, компонент значения, у которого в принципе есть либо другие (кроме нуля) способы выражения, либо эксплицитный способ выражения есть у элементов значения, с которыми данный находится в отношениях взаимного исключения (если в словоформе есть элемент А в ней не должно быть элемента В и наоборот). Такие отношения А. А. Зализняк в [12] назвал отношениями однородности. В русском языке, например, композиция ‘nom’. ‘sg’ обозначается в первом склонении сегментом [А] (мам@а/.

гие другие грамматические системы. Ему посвящены тома, только никто его не рассматривает как отдельный тип означающего языкового знака в контексте прочих операторов.

Оператор трансформации: например, растягивание гласного в слове (*ax ta-a-a-ak!*); этот оператор обозначает несколько различных прагматических аспектов коммуникативного акта, например, удивление, угрозу, прилив радостных чувств, только с гласной /a/ этот оператор насчитывает в Яндексе 1 800 000 употреблений, в английском письменном языке, если не считать растягивания гласных в междометиях типа *wo-o-o-ow!* (9 употреблений), или *O-o-o-oh* (21 000), я нашел при беглом просмотре только один пример с растягиванием гласного /e/: *Ste-eee-eamboat a-Comin'!* По крайней мере, можно утверждать, что в английском языке этот оператор менее распространен, чем в русском, из чего следует, что переводить его с русского на английский надо также лексическими средствами. Другие типы трансформаций на письме практически не передаются, хотя в устном языке они распространены гораздо больше, чем растягивание гласных: сокращение длительности гласного при увеличении напряженности согласных (агрессивный режим речи), фонации (*lax, tense, voice*) и др.

Усечение. Самый распространенный случай использования этого оператора без изменения значения — аббревиация. Этот случай настолько частотен, что его не могли не учесть даже в академических грамматиках, как и случаи неполного усечения основ, например, в диминутивных именах собственных, где действует сложная система операторов (*главковерх, командарм*) или в собственных именах *Павел — Паиш+a*, где происходит усечение корня до ударного (первого) слога, в результате чего не образуется нового морфа *{Па}: оператор усечения здесь — означающее языкового знака, имеющего свое собственное значение, которое также представляет собой операцию над социальной синтактикой основы — смену социального контекста, в котором можно использовать данное имя собственное, с официального обращения на неофициальное. Для языков, в которых эта информация выражается не сменой имени на неофициальное, а другим способом, необходим отдельный перевод этого оператора. Свидетельством этому является возможность протеста со стороны адресата, который может быть не согласен с тем, что его от-

ношения с адресантом носят именно такой характер. Другой пример, тур. *ki-p-kirmizi* — ‘очень красный’ от *kirmizi* — ‘красный’; здесь действуют три оператора: первый — редупликация (повтор корня), второй — усечение повтора корня до структуры CV первого слога, третий — добавление к полученному согласного из закрытого списка; система операторов такого рода имеет единое значение ‘очень’. Мультипликация (удвоение, утроение и т. д. сегмента, или морфа, или лексем, а иногда и предложения), например: русские НУ, НУ-НУ (в глубинной записи {REDUP [2] (nu)}), НУ-НУ-НУ-НУ-НУ (в глубинной записи {REDUP [n>2] (nu)}) не имеют друг к другу никакого отношения ни морфологически, ни лексически, ни как-то еще; первое означает ‘продолжи, наконец, делать то, что ты делал’, или ‘начинай, наконец, делать то, что хотел’, второе — ‘ты настаиваешь на том, что ты делал, предупреждаю тебя, последующие события будут для тебя неблагоприятными’, третье — ‘прекрати делать то, что делал’; во втором знаке может быть только два НУ, в третьем — не менее трех, понятно, что в них производится редупликация не морфемы, а сегмента, состоящего из двух фонем; в первом случае может быть повторено НУ несколько раз, но через паузу, с тем же значением, значит это редупликация морфа; означающее полного знака здесь состоит из сегмента и оператора редупликации, отдельного значения сегмент и оператор не имеют; наоборот, в случаях типа ЧАСТО-ЧАСТО, БЫСТРО-БЫСТРО, МЕДЛЕННО-МЕДЛЕННО наречие и оператор редупликации — два отдельных знака. Не буду здесь перечислять всех типов операторов (их всего порядка десяти). Уже из приведенных примеров становится ясным, что знаковая структура линейной цепочки звуков и букв далеко не всегда просто отображает структуру означающего. Операторы, не видимые невооруженным глазом, сильно влияют на эту простоту. Все операторы, имеющие свое значение и, тем самым, представляющие собой отдельный знак, требуют особого перевода и чаще всего переводятся на другой язык отдельной морфемой, лексемой, а то и целым предложением. Из этого следует, что они при обработке текста в каком-то месте анализа должны быть извлечены из линейной структуры означающего и переведены на другой язык. Этого не позволяет сделать примитивная обработка линейной структуры, необходим глубинный уровень, на котором бы все знаки

были представлены эксплицитно. Во многих интегральных системах описания языка используется так называемый глубинный уровень представления означающих. Он нужен и для анализа кумулятивно выраженных языковых единиц типа мегаморфов (например в русском нечленимом сегменте *я* — три глубинных морфемы: лица, числа и падежа, в английском нечленимом сегменте /a:/ — четыре: корень (= be), время, наклонение, число) и т. д.

Операции сильно усложняют картину морфологической структуры и без введения, исследования и выявления типологии и главных механизмов операциональной трансформации словоформ морфология языка не может быть описана адекватно. В настоящем параграфе я постараюсь предварительно описать один из видов операторов, до сих пор остававшийся вне поля зрения исследователей. Я буду называть его далее **рекурсивным оператором изменения таксономического статуса**, сокращенно РОИТС. Рассмотрим его действие на примере словоформы *себялюбивый*. «Русская грамматика» [31, 254] трактует конструкцию основы этой словоформы по аналогии с наиболее распространенной моделью построения композита, в котором как бы на месте флексии 'A_{gen} (показателя родительного падежа, выраженного смягчающим [A₂]) появляется «профессиональный» коннектор {O}, как в *пароход*, *землепашец* и т. д. Тем самым «Русская грамматика», с одной стороны, приписывает показателю генитива несвойственную ему функцию коннектора, с другой стороны, не видит тождественности механизма образования рассматриваемого композита с композитами типа *пройдисвет*, *держидерево*, *трехдюймовый*, *двухэтажный*, *какбычегоневышлизм*, *потусторонний*; с третьей стороны, не объясняет, почему в *пароходе* коннектор {O_{conn}}, в *себялюбивый* — [A₂], в *пройдисвет* — [I], в *трехдюймовом* — [O_{2x}], в *двухэтажном* — [U_{1x}], а в последних двух примерах — целый набор разных коннекторов.

Я предлагаю для объяснения всех вышеприведенных примеров только один механизм, который, кстати сказать, действует не только в композитах, но и при построении однокорневых основ, а именно сложный оператор, упомянутый выше, а именно РОИТС. РОИТС — упорядоченная комбинация операторов, первый из которых на исходном сло-

восочетании, или целом предложении выстраивает порядок, такой, чтобы главный элемент языковой единицы был в конце (например, *любит себя* → *себя любит*; правило не касается императивных конструкций), второй — отмечает границы будущей словообразовательной базы, обычно отсекая какую-то часть (чаще всего, флексию) — далее я эти границы буду отмечать квадратными скобками (например, $[c+eб\oplus\#\#\text{люб}]$, $[держ\oplus\#\#\text{дерев}]$, $[тр\oplus'o+x\#\#\text{дюйм}]$, $[дв\oplus y\oplus x\#\#\text{этаж}]$, $[к+ак\#\#\text{бы}\#\#\text{и}\oplus ego\#\#\text{не}\#\#\text{вы}\#\#\text{и}\oplus л]$, $[но\#\#\text{т}\oplus y\#\#\text{сторон}]$), саму операцию постановки скобок (установления границ действия оператора) я буду называть **оклублением**⁴ — далее, выражение в скобках понижается в ранге: из словосочетания оно как целое преобразуется в словообразовательную базу, к которой могут присоединяться как словообразовательные, так и словоизменяющие аффиксы; третий оператор приписывает базе синтактику (часть реченную характеристику, тип флексий, который может с ней сочетаться и т. д.). Синтаксические отношения между главным и зависимым членами группы внутри скобки остаются оформленными средствами лексического синтаксиса, синтаксические отношения между скобкой и прочими морфемами словоформы оформлены морфологическими средствами. Полученные таким образом словообразовательные базы могут сочетаться с различными деривативными аффиксами, ср. $[c+eб\oplus\#\#\text{люб}] + ец$, $[c+eб\oplus\#\#\text{люб}] + ив\oplus\#\#\text{ый}$, $[c+eб\oplus\#\#\text{люб}] + и\#\#\text{е}$. Приведу несколько других примеров, в которых используется РО-ИТС.

Большую и довольно регулярную группу случаев представляют собой рекурсивные операции над предложными группами: $[вне\#\#\text{зем}]ли \rightarrow [вне\#\#\text{зем}] + н\oplus\#\#\text{ой}$, $[вне\#\#\text{город}] \oplus а \rightarrow [вне\#\#\text{город}] + ск\oplus\#\#\text{ой}$, $[внутри\#\#\text{атом}] \oplus а \rightarrow [внутри\#\#\text{атом}] + н\oplus\#\#\text{ый}$. Таким же образом синтезируются сложные словоформы типа *меж\#\#\text{американский}*, *меж-*

⁴ Термин происходит из предложенных в 1975 г. математиками В. Б. Борщевым и М. В. Хомяковым терминов «клуб» и «клубная система» (см. [6]). Авторы указанной статьи разработали формальный аппарат для описания графов, в которых узлы могут представлять собой автономную субструктуру, такие узлы и называются клубами по аналогии с элементами структуры английского клуба, членом которого могли быть не только отдельные люди, но и организации.

ду##народный, между##глазье, около##земный, около##плодный, около##сердечный, после##военный, после##обеденный, бес#плодие, под#ножие, бес#союзиe, без#началиe, между##началиe, бес#силиe, без#волиe, бес#смыслиe, двух##холмиe, двое##мужиe, бес#хлебьe, над#лобьe, без#рыбьe, под#головьe, над#бровьe, меж#бровьe, без#водьe, бес#дождьe, без#людьe, между##рядьe, бес#денежьe, бес#снежьe, без#дорожьe, под#стожьe, под#глазьe, между##глазьe, пред#грозьe, без#дельe, под#земельe, за#польe, пред#польe, под#польe, семи##польe, шести##польe, за#стольe, под#стольe, за#зимьe, без#думьe, под#степьe, на#дворьe, на#горьe, под#горьe, у#горьe, за#полярьe, под#небесьe, за#лесьe, под#лесьe, под#персьe, над#хвостьe, бес#путица, между##путьe, за#плечьe, за#плечный, пред#плечьe, за#печьe, за#речьe, между##речьe, за#мужество, за#дворки.

Согласованная именная группа в родительном падеже с Θ ego##дн Θ я преобразуется рекурсивным оператором в простую основу без отсечения флексии: [Θ ego##дн Θ я]. Эта словообразовательная база может выступать в виде основы изолированно, превращаясь из двух в одно простое акцентное слово, с измененной, теперь адвербиальной синтактикой. А может выступать в виде словообразовательной базы, к которой может быть присоединен деривативный суффикс, образующий адъективную основу — [Θ ego##дн Θ я]+ин Θ ий, как это бывает и с другими наречными основами (тогда+ин Θ ий, вчера+ин Θ ий, ноне+ин Θ ий, зря+ин Θ ый и др. Обратную ситуацию представляют случаи, когда РОИТС преобразует синтактику наречий в именную. Предлоги могут сочетаться только с существительными, сочетания предлогов с адвербиальными словоформами можно объяснить только изменением их синтактики, а преобразование синтактики наречия в субстантивную синтактику — только результатом действия РОИТСа. Так получаются сочетания типа до#[туда], от#[туда], до#[сюда], от#[сюда], по#[ныне], от#[ныне], до#[ныне], от#[куда], до#[куда], ото#[всюду], до#[нельзя] и др.

Словоформы типа ахать, охать, экать, мекать, акать, выкать кажутся построенными по обычной схеме грамматического слова: корень+деривативный суф-

фикс+флексия. На самом деле, это иллюзия. Если мы присмотримся, например, к словоформе *выкать*, то увидим, что *вы* — это не корень, а словоформа именительного падежа единственного числа, которую можно разделить на два морфа: В — морф со значением второго лица и Ы — показатель мн. ч., как в *стол+ы*, [А] в *акать* — это не корень и вообще не морф, здесь имеется в виду даже не фонема [А], по МФШ, а ее аллофон фонемы. Все эти случаи объединяются тем, что вместо корня здесь стоит цитата, преобразованная рекурсивным оператором изменения таксономического статуса в словообразовательную базу: [ох]+а \oplus ть — произносить «ох» (это междометие образует отдельное предложение, у которого нет свободных валентностей, валентность у всей основы появляется из семантики суффикса {А}), [в \oplus ы]+к \oplus а \oplus ть — обращаться на «вы», [а]+к \oplus а \oplus ть — произносить \a\ в безударных слогах, [э]+к \oplus а \oplus ть и [ме]+к \oplus а \oplus ть — вставлять в речь паразитические «э-э-э», «м-м-м».

Итак, в предыдущих параграфах я показал, насколько далеко от истинного положения дел отстоит принцип определения границ грамматического слова по пробелам, правила расстановки которых устанавливаются орфографическими комиссиями. Необходимо специальное исследование, в котором можно было бы выявить все случаи расхождения единиц, выделяемых, с одной стороны, пробелами, с другой стороны, содержательными правилами, определяющими, где, на самом деле, проходит эти границы. Особо следует отметить и тот факт, что без учета действия РОИТС, невозможно объяснить и многочисленные нарушения постулата А. А. Зализняка, по которому однородные элементы значения не встречаются в одной и той же словоформе; например, в словоформе [в \oplus ы]+к+ани \oplus е мы имеем две граммы именительного падежа и полный набор грамм чисел — единственное и множественное, в словоформе [с+еб \oplus я##люб]+и \oplus ем в одной словоформе встречаются граммы аккузатива и номинатива и две граммы единственного числа.

Этим параграфом я, практически, на полуслове заканчиваю первую часть своих замечаний на полях выдающейся работы А. А. Зализняка «Русское именное словоизме-

нение». Следующая часть будет посвящена понятиям «акцентуированная словоформа», «грамматическая категория», «граммема», «грамматическая морфема», «грамматический разряд», «семантическая часть речи».

Литература

1. Бадж У. Путешествие души в царстве мертвых (Египетская Книга Мертвых). М.: Изд-во Царева В. П., 2000.
2. Барулин А. Н. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Дисс. канд. филол. наук. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1984.
3. Барулин А. Н. Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // Части речи. Теория и типология. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990, с. 51—76.
4. Барулин А. Н., Кононов А. Н. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М.: Прогресс, 1987, с. 5—36.
5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. Борщев В. Б., Хомяков М. В. Клубные системы. Научно-техническая информация. Серия 2, № 8, 1976.
7. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
8. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
9. Дьяконов И. М. Вавилонская филология (III—I тыс. до н. э.) // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980, с. 17—37.
10. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960, с. 264—389
11. Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество (Избранные труды). М.: Лабиринт, 1998.
12. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

13. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1980.
14. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
15. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.
16. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
17. Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010.
18. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 1. Братислава: Издательство Словацкой академии наук, 1965.
19. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава: Издательство Словацкой академии наук, 1960.
20. Исаченко А. В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 61—93.
21. Катенина Т. Е., Рудой В. И. Лингвистические знания в Древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980, с. 66—92.
22. Коростовцев М. А. Писцы Древнего Египта. СПб.: Журнал «Нева»; «Летний Сад», 2001.
23. Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неструктуралистской морфологии // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002, с. 699—748.
24. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., Республика, 1998.

25. Мельчук И. А. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // Вопросы языкознания 1963, № 4, с. 27—40.
26. Мельчук И. А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: Изд-во ВИНТИ. 1975, с. 5—50.
27. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва — Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, Издательская группа «Прогресс», 1997.
28. Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре. М., Языки славянских культур, 2007.
29. Перельмутер И. А. Греческие мыслители V в. до н. э. // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980, с. 110—130.
30. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
31. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.
32. Троицкий И. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. М. — Л.: Огиз — Соцэкгиз, 1936, с. 7—30.
33. Циммерлинг А. В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. № 4. 2012, с. 3—38.
34. Шубик С. А. Языкознание древнего Рима // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука. 1980, с. 233—256.
35. Aikhenvald, A. Y. Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana // Dixon, R.M.W. & Aikhenvald, A. Y. (eds.), *Word: a cross-linguistic typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 42–78.
36. Anderson, S. *Aspects of the theory of clitics*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
37. *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. Roman transliteration and English translation by Sumitra M. Katre. Delhi: Motilal Banarsidass, 1987.

38. Isačenko A. V. Russische Sprache der Gegenwart. T. 1. Formenlehre. Halle
(Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1962.